

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

№ 1 (30), 2022

**Электронный научный журнал
Инновационная экономика**

№ 1 (30), 2022 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются ведущими учеными.

В журнале рассматриваются результаты научных исследований в области экономических наук.

Авторами статей являются ведущие специалисты современного научного знания, научно-педагогические работники, аспиранты, докторанты.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков, студентов, аспирантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор — **Григорьева Елена Михайловна**, кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана экономического факультета по науке, Российский университет дружбы народов.

Заместитель главного редактора — **Соловьёва Юлиана Владимировна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики, Российский университет дружбы народов.

Учредитель и издатель: **Российский университет дружбы народов (РУДН)**, г.Москва.

Журнал издается с 2014 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: Эл № ФС77-57989 от 28.04.2014 (СМИ — «сетевое издание»).

Журнал входит в базу РИНЦ (Лицензионный договор от 12 февраля 2015 г.). Зарегистрирован в международной базе цитирования Academic Resource Index ResearchBib

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте innecon.rudn.ru

E-mail редакции: innecon@mail.ru

Редакционный совет

Мосейкин Юрий Никитович – д.э.н., профессор, *председатель Редакционного совета*

Григорьева Елена Михайловна – к.э.н., доцент, *главный редактор электронного научного издания*

Соловьёва Юлиана Владимировна – к.э.н., доцент, *заместитель главного редактора электронного научного издания*

Чернышева Анна Михайловна – к.э.н., доцент, *ответственный секретарь*

Айдрус Ирина Ахмед Зейн – к.э.н., доцент, *член Редакционного совета*

Балашова Светлана Алексеевна – к.ф.-м.н., доцент, *член Редакционного совета*

Быстряков Александр Яковлевич – д.э.н., профессор, *член Редакционного совета*

Ефремов Виктор Степанович – д.э.н., профессор, *член Редакционного совета*

Зобов Александр Михайлович – к.э.н., доцент, *член Редакционного совета*

Миронова Марина Николаевна - к.э.н., доцент, *член Редакционного совета*

Нежникова Екатерина Владимировна – д.э.н., доцент, *член Редакционного совета*

Пизенгольц Владимир Михайлович - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета*

Пономаренко Елена Васильевна - д.э.н., профессор, *член Редакционного совета*

Содержание

Митюшкина А.А. Динамика географической и товарной структуры внешней торговли Бразилии (1995–2020 гг.)	4
Мусави А.Б. Роль малого и среднего бизнеса в развитии экономического потенциала Афганистана	18
Шкваря Л.В. Особенности современного международного экономического сотрудничества: вопросы теории и практики	29
Ахмади Ф. Анализ высокотехнологичного международного взаимодействия ОАЭ на примере деятельности компании Etisalat – Emirates Telecom Corp	49
Пономарева В.С. Теории экономического роста и роль инновационного фактора	66
Наши авторы	75

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**Динамика географической и товарной структуры внешней торговли
Бразилии (1995–2020 гг.)**

Митюшкина Анна Андреевна,

Российский университет дружбы народов (РУДН)

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

В статье проводится исследование динамики региональной и товарной структуры экспорта и импорта Бразилии. Автором выявлено, что за период 1995–2020 гг. Бразилия стала серьёзным игроком на мировом рынке: она входит в число первых 30 стран-лидеров по мировому объёму экспорта и импорта. За исследуемый период объем экспорта вырос на 385 %, импорта – на 230 %. Китай стал главным торговым партнером (28 % в экспорте), потеснив США; индекс концентрации экспорта (как доля первых пяти стран-лидеров) увеличился с 45 до 53%. В статье показано, что основные изменения в товарной структуре внешней торговли заключаются в сокращение доли импорта на «машины и транспортное оборудование» и рост доли экспорта на «сырье непродовольственное, кроме топлива». Автор приходит к выводу, что участие Бразилии в международных объединениях не только позволяет стране оставаться партнером ведущих стран в решении ряда международных, в т.ч. социально-экономических и политических, проблем, но и вынуждает стран-лидеров учитывать интересы Бразилии.

Ключевые слова: *внешняя торговля, основные внешнеторговые показатели, товарная структура экспорта и импорта, региональная структура экспорта и импорта.*

JEL коды: *F 100, F 140.*

**Dynamics of the geographical and commodity structure of Brazil's foreign trade
(1995 - 2020)**

Mityushkina Anna Andreevna,

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

The article studies the dynamics of regional and commodity structure of exports and imports of Brazil. The author revealed that over the period 1995-2020, Brazil became a serious player in the world market: it is among the first 30 leading countries in the world volume of exports and imports. During the research period, the volume of exports increased by 385%, imports - by 230%. China became the main trading partner (28% in exports), squeezing the United States; the export concentration index (as a share of the first five leading countries) increased from 45 to 53%. The article shows that the main changes in the commodity structure of foreign trade are a decrease in the share of imports for «machinery and transport equipment» and an increase in the share of exports for «non-food raw materials, except fuel». The author concludes that Brazil's participation in international associations not only allows the country to remain a partner of leading countries in solving a number of international, including socio-economic and political, problems, but also forces the leading countries to take into account the interests of Brazil.

Keywords: *foreign trade, main foreign trade indicators, commodity structure of exports and imports, regional structure of exports and imports.*

Введение

Бразилия – одна из ключевых стран Латинской Америки, занимающая важное место в международных экономических отношениях. Республика Бразилия относится к группе развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, к группе стран с доходом выше среднего (по классификации Всемирного банка), имеет значительный потенциал для развития внешнеэкономических связей со многими странами мира. Бразилия является восьмой по величине экономикой в мире.

В 2021 г. в Бразилии проживало 214 млн человек (7 место в мире по численности населения). В соответствии с данными Всемирного банка, Бразилия является страной с уровнем доходов выше среднего с уровнем дохода на душу населения 14 550 долл. (по ППС), что сопоставимо с такими странами, как Габон, Гренада, Колумбия. В структуре ВВП преобладает сфера услуг (72,7%), промышленность 20,7%, сельское хозяйства (6,6 %), при этом Бразилия является важным экспортером как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции. По объему ВВП занимает 10 место в мире и 1 место в Латинской Америке. За период 1995–2020 гг. ВВП (ППС) увеличился почти в 2 раза, а ВВП на душу населения почти в 1,5 [9].

Цель исследования – выявить особенности развития внешней торговли в Бразилии 1995-2020 гг.

В соответствии с целью поставлены задачи:

- проследить динамику основных показателей внешней торговли Бразилии, 1995–2020 гг.;
- определить важных торговых партнеров Бразилии;
- изучить товарную структуру экспорта и импорта Бразилии.

Исследованием структуры внешней торговли Бразилии занимались преимущественно зарубежные ученые. Так, структура и направления экспорта Бразилии описывается в работе С. В. Виана [2]. Анализ сущности торговой политики Бразилии, отношений со странами-партнёрами, направлений экспорта и импорта проводится Л. К. М. Клабунде [4].

В качестве статистических баз были использованы базы данных UNCTAD (Конференция ООН по торговле и развитию) [7], Central Intelligence Agency [11], World Bank (Показатели мирового развития) [9].

Динамика основных внешнеторговых показателей Бразилии, 1995–2019 гг.

Бразилия является крупным экспортёром и импортёром: к 2020 г. заняла 27 место в мире по экспорту и по импорту. Внешняя торговля Бразилии сильно зависит от цикличности мировой экономики: в кризисные годы 2009 г. и 2014 г. экспорт и импорт снизился в среднем в 1,5 раз.

За период 1995-2019 гг. объём экспорта увеличился в 5 раз, а импорта в 3 раза и составил 1% от мирового. Во время кризиса 2009 г. и 2014 г. во внешней торговле произошли резкие изменения: наблюдался экономический спад и девальвация бразильского реала к долл. США, поэтому все экономические показатели были снижены. За период 1995-2020 гг. внешнеторговый оборот увеличился в 4 раза. Сальдо торгового баланса Бразилии увеличилось в 6 раз. За период 1995-2020 г. внешнеторговый оборот вырос с 100,2 млрд долл. до 402,7 млрд долл., то есть на 4 %. Сальдо торгового баланса Бразилии выросло с 7,2 млрд долл. до 48,0 млрд долл., то есть на 15%. В Бразилии наблюдался торговый профицит, который означал, что объём продаж товаров и услуг за границей превышает объём импорта, однако торговый профицит создаёт зависимость национальной экономики от внешнего рынка.

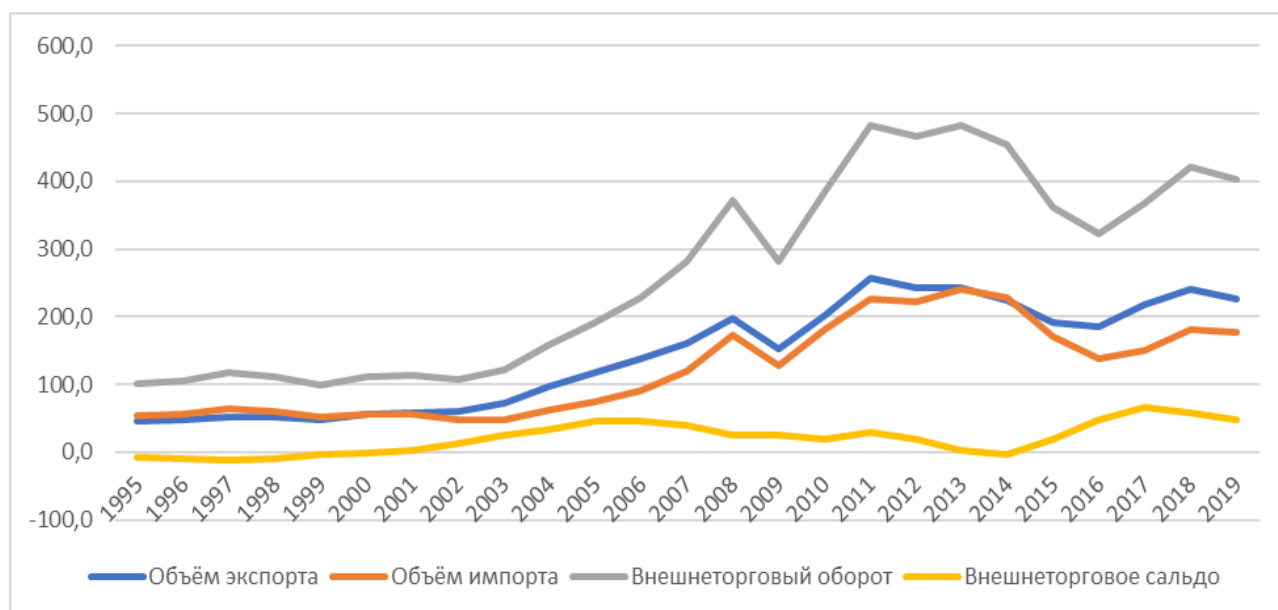

Рис. 1. Динамика основных внешнеторговых показателей Бразилии, млрд долл., 1995-2019 гг.

Источник: составлено автором по [7].

Fig. 1. Dynamics of the main foreign trade indicators of Brazil, billion dollars, 1995-2019.

Source: compiled by the author on [7].

Динамика региональной структуры экспорта Бразилии, 1995–2019 гг.

Проанализируем динамику экспорта Бразилии с учетом региональной составляющей ее партнеров (рис. 2, 3). Так, доля первых 10 стран-лидеров увеличилась в 5 раз, а доля первых 5 стран-лидеров – в 6 раз. Коэффициент концентрации экспорта по главным торговым партнёрам составил 62% за период 1995-2019 гг.

За период 1995-2019 гг. изменился рейтинг стран-ключевых партнёров по экспорту. Доля первых 10 стран -лидеров увеличилась незначительно – с 60% до 62%. А доля первых 5 стран-лидеров с 45% до 53%, что указывает на рост концентрации экспорта в страны-ключевые торговые партнеры.

В 1995 г. главным партнером были США с долей 19%. Вторым важным партнёром была Аргентина с долей 9%. Китай занимал 10 место, но в 2019 г.

переместился на 1 место с долей 28%. Это больше на 15%, чем у США. Таким образом, в 2020 г. заняли более высокие позиции в рейтинге Китай, Нидерланды, Мексика, сдали позиции Япония, Германия, Аргентина.

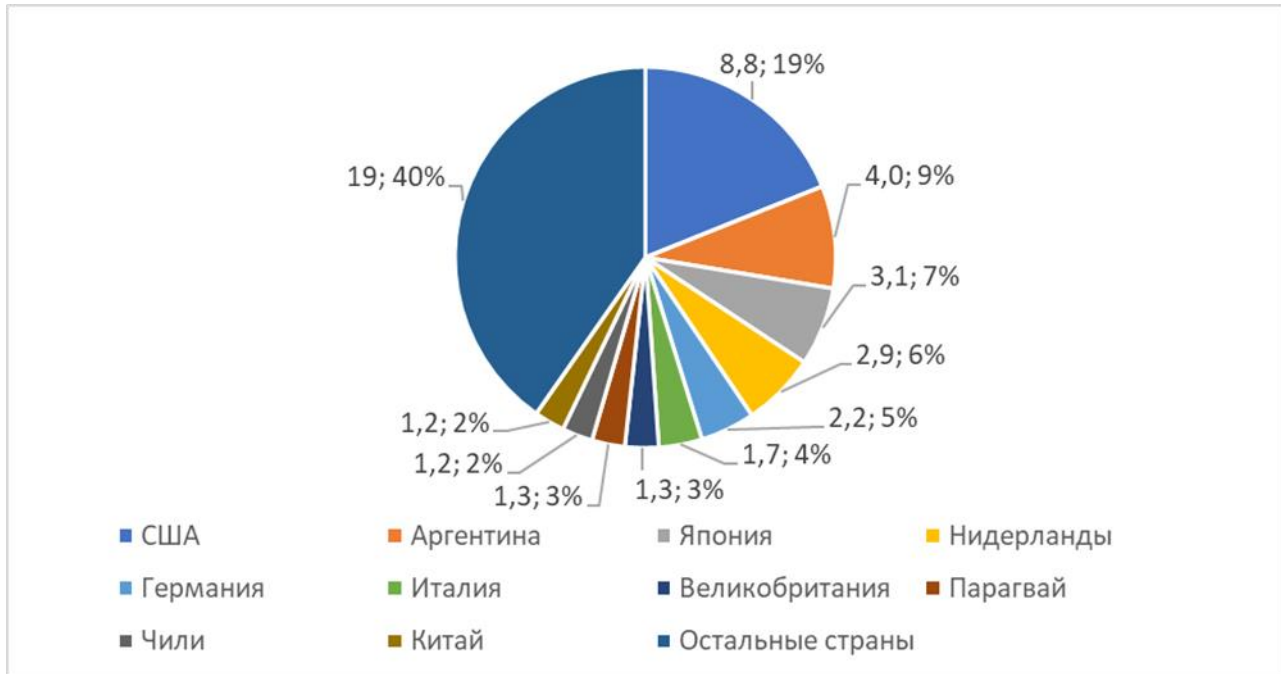

Рис. 2. Региональная структура экспорта Бразилии, млрд долл., %, 1995 г.

Источник: составлено автором по [7].

Fig. 2. Regional structure of Brazil's exports, billion dollars, %, 1995.

Source: compiled by the authors on [7].

Рис 3. Региональная структура экспорта Бразилии, млрд долл., %, 2019 г.

Источник: составлено автором по [7].

Fig 3. Regional structure of Brazil's exports, billion dollars, %, 2019.

Source: compiled by the authors on [7].

Динамика товарной структуры экспорта Бразилии, 1995–2019 гг.

За период 1995-2019 гг. изменилась товарная структура экспорта Бразилии. Доля главной товарной группы в экспорте – «сырьё непродовольственное, кроме топлива» – увеличилась с 13% до 30%. Ведущие роли, помимо «непродовольственного сырья», стали играть «пищевые продукты и живые животные»; «машины и транспортное оборудование».

В 1995 г. лидирующие позиции занимали такие группы, как «промышленные товары, классифицированные главным образом по виду материала» (25%); «пищевые продукции и живые животные» (21%), «машины и транспортное оборудование» (19%). К 2019 г. первое место в товарной структуре экспорта, увеличив долю на 17 %, заняла группа товаров «сырьё непродовольственное, кроме топлива». Группа «пищевые продукции и живые животные» осталась на 2 месте. Группа «машины и транспортное оборудование» сократила долю на 5%. Товарная группа «промышленные товары,

классифицированные главным образом по виду материала» сократила долю на 14 % к 2019 г. и заняла 4 место в товарной структуре экспорта. Коэффициент концентрации экспорта в 1995 г. составлял 85%, а в 2019 г. стал 90%.

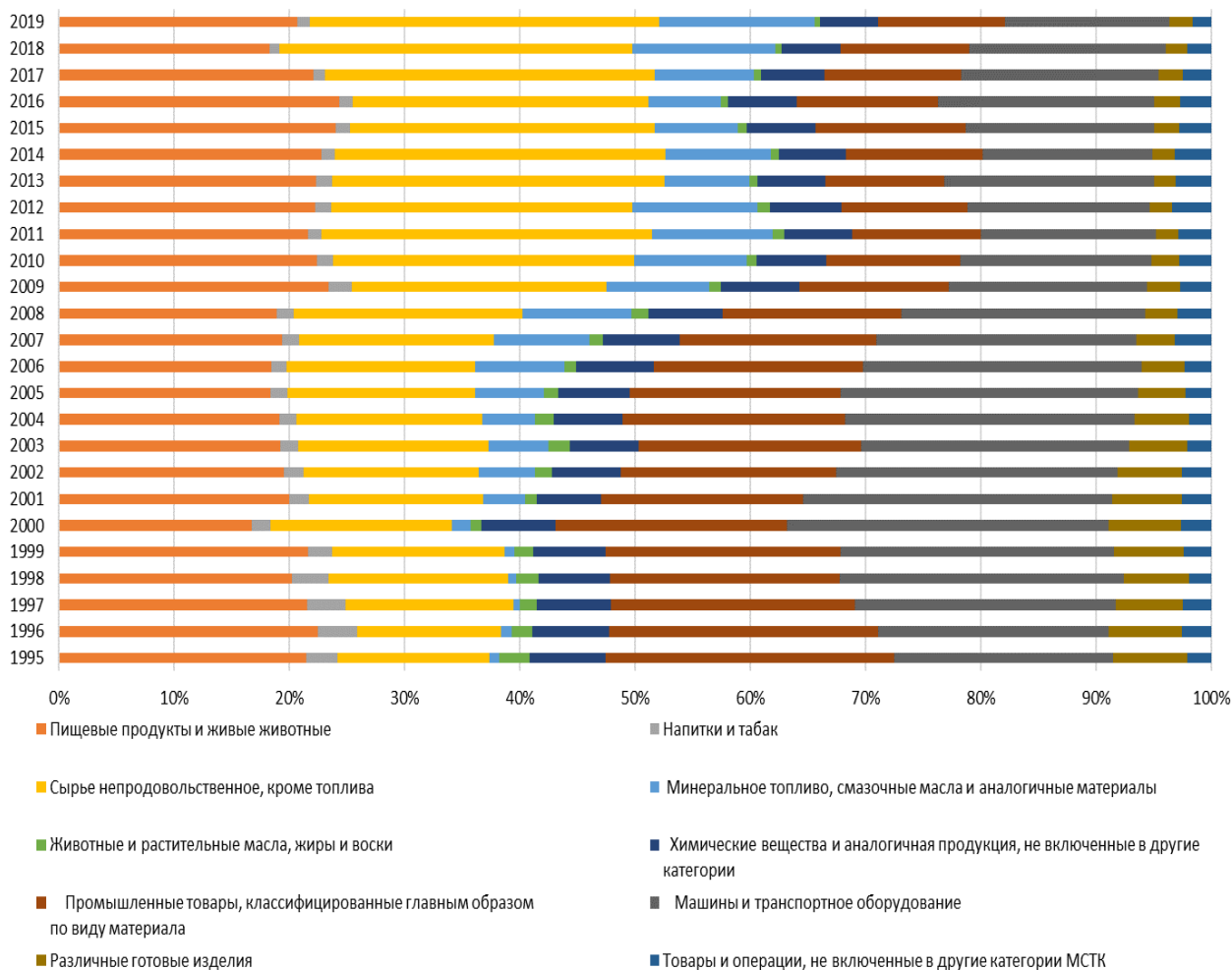

Рис. 4. Динамика товарной структуры экспорта Бразилии, %, 1995-2019 гг.

Источник: составлено автором по [7].

Fig. 4. Dynamics of the commodity structure of Brazil's exports, %, 1995-2019.

Source: compiled by the author on [7].

Динамика региональной структуры импорта Бразилии, 1995–2019 гг.

Доля первых 10 стран-лидеров увеличилась в 3 раза, доля первых 5 стран-лидеров – тоже в 3 раза. Коэффициент концентрации импорта по главным торговым партнёрам составил 65%.

За период 1995-2019 гг. изменился рейтинг стран ключевых партнёров по импорту. Доля первых 10 стран-лидеров снизилась с 67% до 65%. А доля первых 5 стран-лидеров с 55% до 53%, что указывает на снижение концентрации импорта в страны – ключевые торговые партнеры.

В 1995 г. главным партнером были США с долей 24%. Вторым важным партнёром была Аргентина с долей 11 %. Китай занимал 14 место, но в 2019 г. занял 1 место с долей 20%. Это больше на 3 %, чем у США. В 2019 г. заняли более высокие позиции в рейтинге Китай, Корея, Индия, сдали позиции Германия, Италия, Франция. Более того, в рейтинге 10 стран-лидеров к 2019 г. появилась Мексика, которая раньше не входила в этот список.

Рис. 5. Региональная структура импорта Бразилии, млрд долл., %, 1995 г.

Источник: составлено автором по [7].

Fig. 5. Regional structure of Brazil's imports, billion dollars, %, 1995.

Source: compiled by the author on [7].

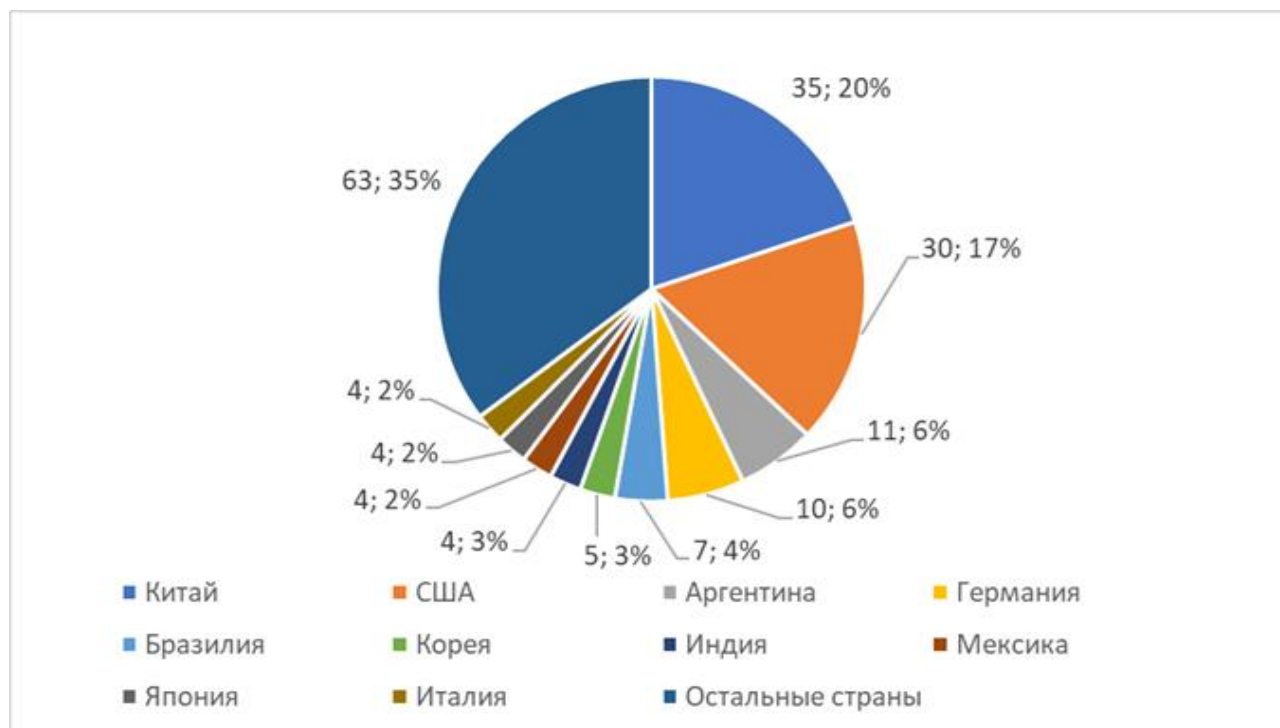

Рис. 6. Региональная структура импорта Бразилии, млрд долл., %, 2019 г.

Источник: составлено автором по [7].

Fig. 6. Regional structure of Brazil's imports, billion dollars, %, 2019.

Source: compiled by the author on [7].

Динамика товарной структуры импорта Бразилии, 1995–2019 гг.

За период 1995-2019 гг. изменилась товарная структура импорта Бразилии. Несмотря на то, что доля товарной группы в импорте «машины и транспортное оборудование» сократилась на 4 %, она остаётся главной (с долей 35%). Ведущие роли, помимо «машин и транспортного оборудования», стали играть товарные группы: «химические вещества и аналогичная продукция, не включенные в другие категории», «минеральное топливо, смазочные масла и аналогичные материалы», «промышленные товары, классифицированные главным образом по виду материала».

В 1995 г. лидирующие позиции занимали такие группы, как «машины и транспортное оборудование» (39%); «химические вещества и аналогичная продукция, не включенные в другие категории» (15%), «минеральное топливо, смазочные масла и аналогичные материалы» (12%). В 2019 г. положение групп-

лидеров не изменилось, однако изменилась доля. Доля групп «машины и транспортное оборудование» сократилась и стала 35%, «химические вещества и аналогичная продукция, не включенные в другие категории» увеличилась на 10%, «минеральное топливо, смазочные масла и аналогичные материалы» увеличилась на 2%. Коэффициент концентрации импорта в 1995 г. составил 85%, а в 2019 г. стал 92%.

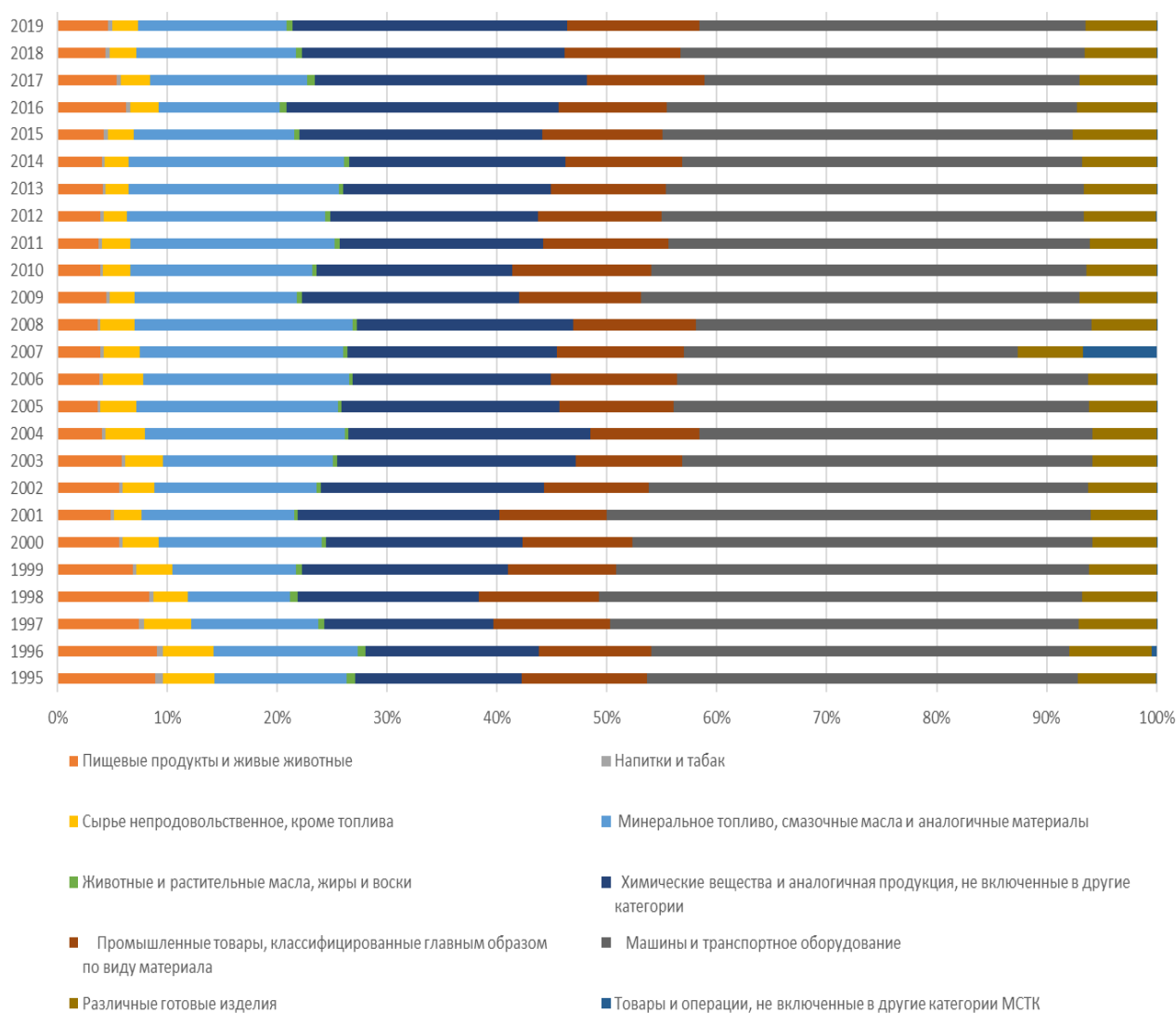

Рис. 7. Динамика товарной структуры импорта Бразилии, %, 1995–2019 гг.

Источник: составлено автором по [7].

Fig. 7. Dynamics of the commodity structure of Brazil's imports, %, 1995-2019.

Source: compiled by the author on [7].

Заключение

Основные показатели внешней торговли сильно зависят от кризисов и стадий экономического цикла. Практически за весь исследуемый период времени Бразилия демонстрирует положительное сальдо торгового баланса, что говорит о том, что страна больше продаёт, нежели приобретает. К тому же за последнее время объём экспорта продолжает перевешивать объёмы импорта.

В региональной структуре Бразилии очевидно снижение объёмов экспорта с США и увеличение с Китаем. Однако США пока остаётся одним из главных торговых партнеров Бразилии. Что касается импорта, то его концентрация чуть меньше, чем экспорта. За счет собственного производства в стране обеспечивается до 90% внутреннего спроса на промышленные товары.

В товарной структуре также есть некоторые проблемы. К таким относятся непродовольственное сырье, кроме нефти; машины и транспортное оборудование. Как следствие, наблюдается высокий импорт на данные виды продукции. Однако, стоит отметить, что Бразилия богата минеральными ресурсами и полезными ископаемыми и обладает высокоразвитой горнодобывающей промышленностью. Также в Бразилии развита добывающая и перерабатывающая промышленность, в основном нефть и химическая промышленности.

Участие Бразилии в международных объединениях позволяет стране оставаться партнёром ведущих стран в решении международных проблем, а также социально-экономических и отчасти политических. Более того, это вынуждает лидеров учитывать интересы Бразилии. Несмотря на то, что Бразилия участвует в международных объединениях, интересы её лежат не в Латинской Америке, а в США и Китае.

Список литературы

1. Брено де Аморим Л., Клабунде Л. К. М. Экономические изменения в Бразилии, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/economic-changes-in-brazil/viewer> (дата обращения: 10.02.22)
2. Виана С. В. Экспорт Бразилии // Политика, экономика и инновации. – 2020. – №1 (30) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/exports-in-brazil/viewer> (дата обращения: 10.02.22)
3. Да Коста Сантос Дж. Особенности изучения международных отношений в Бразилии, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-izucheniya-mezhdunarodnyh-otnosheniy-v-brazilii> (дата обращения: 10.02.22)
4. Клабунде Л. К. М. Экономические перемены в Бразилии // Политика, экономика и инновации. – 2019. – №2 (25) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/economic-changes-in-brazil/viewer> (дата обращения: 10.02.22)
5. Портал информационной поддержки экспорта [Электронный ресурс]. URL: <https://export.by/brazil> (дата обращения: 10.02.22)
6. Russobras, 2020 [Электронный ресурс]. URL: www.russobras.ru/international-trade-relations.php (дата обращения: 10.02.22)
7. United Nations Conference on Trade and Development, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/repor> (дата обращения: 10.02.22)
8. World Bank Country and Lending Groups // World Bank, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/the-world-by-income-and-region.html> (дата обращения: 10.02.22)
9. World Development Indicators // World Bank, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 10.02.22)

10. World Economic Situation and Prospects, 2018 [Электронный ресурс]. URL: www.un.org/development/desa/dpad/document_gem/global-economic-monitoring-unit/world-economic-situation-and-prospects-wesp-report/ (дата обращения: 10.02.22)
11. World Factbook // Central Intelligence Agency, 2020 [Электронный ресурс]. URL: www.cia.gov/the-world-factbook/countries/brazil (дата обращения: 10.02.22)

References

1. Breno de Amorim L., Klabunde L. K. M. Ekonomicheskie izmeneniya v Brazilii [Economic developments in Brazil], 2019. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/economic-changes-in-brazil/viewer> (accessed: 10.02.22)
2. Viana S. V. Eksport Brazilii [Export of Brazil]. Politika, ekonomika i innovacii, 2020, №1 (30). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/exports-in-brazil/viewer> (accessed: 10.02.22)
3. Da Kosta Santos Dzh. Osobennosti izucheniya mezhdunarodnyh otnoshenij v Brazilii [Features of the study of international relations in Brazil], 2019. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-izucheniya-mezhdunarodnyh-otnosheniy-v-brazilii> (accessed: 10.02.22)
4. Klabunde L. K. M. Ekonomicheskie peremeny v Brazilii [Economic change in Brazil]. Politika, ekonomika i innovacii, 2019, №2 (25). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/economic-changes-in-brazil/viewer> (accessed: 10.02.22)
5. Portal informacionnoj podderzhki eksporta [Export Information Support Portal]. Available at: <https://export.by/brazil> (accessed: 10.02.22)
6. Russobras, 2020. Available at: www.russobras.ru/international-trade-relations.php (accessed: 10.02.22)
7. United Nations Conference on Trade and Development, 2021. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/repor> (accessed: 10.02.22)

8. World Bank Country and Lending Groups. World Bank, 2020. Available at: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/the-world-by-income-and-region.html> (accessed: 10.02.22)
9. World Development Indicators. World Bank, 2020. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 10.02.22)
10. World Economic Situation and Prospects, 2018. Available at: www.un.org/development/desa/dpad/document_gem/global-economicmonitoring-unit/world-economic-situation-and-prospects-wesp-report/ (accessed: 10.02.22)
11. World Factbook. Central Intelligence Agency, 2020. Available at: www.cia.gov/the-world-factbook/countries/brazil (accessed: 10.02.22)

© Митюшкина Анна Андреевна, 2022 г.

Роль малого и среднего бизнеса в развитии экономического потенциала Афганистана

Мусави Башир Ахмад,
Российский университет дружбы народов (РУДН)
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

Статья посвящена актуальной в настоящее время теме роли малого и среднего бизнеса в развитии экономического потенциала Афганистана. Автором были рассмотрены условия ведения малого и среднего бизнеса в Афганистане, определена его роль в развитии афганской экономики. В статье проанализированы изменения, с которыми столкнулись афганские предприниматели после прихода к власти в Афганистане движения «Талибан». Рассмотрены возможные перспективы развития малого и среднего бизнеса в Афганистане.

Ключевые слова: *малый и средний бизнес, индивидуальный предприниматель, экономический потенциал, Афганистан, санкции.*

JEL коды: *L11 L2, L5, F51.*

The role of small and medium business in developing the economic potential of Afghanistan

Musawi Bashir Ahmad,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6

The article is devoted to the current topic of the role of small and medium-sized businesses in the development of the economic potential of Afghanistan. The author examined the conditions for doing small and medium-sized businesses in Afghanistan, determined its role in the development of the Afghan economy. The article analyzes the changes that Afghan entrepreneurs faced after the Taliban came to power in Afghanistan. Possible prospects for the development of small and medium-sized businesses in Afghanistan are considered.

Key words: *small and medium business, individual entrepreneur, economic potential, Afghanistan, sanctions.*

Введение

Малые и средние предприятия являются мощными инструментами экономического развития в развитых и развивающихся странах. Предприятия малого и среднего бизнеса создают около половины ВВП Афганистана, играют значительную роль в развитии национальной экономики, внося жизненно важный вклад в создание рабочих мест и получение доходов населением [8].

Малый и средний бизнес были официально признаны неотъемлемой частью экономики Афганистана в начале 1970-х гг., хотя государственная политика отдавала приоритет развитию более крупных производственных компаний, считая их незаменимыми для экономического роста в XX веке. После перехода социалистических экономик в Центральной и Восточной Европе в 1989 г. на рыночные рельсы, малые фирмы считались одной из наиболее успешных траекторий экономического развития во всем мире. Помимо того, что предприятия малого и среднего бизнеса вносят значительный вклад в ВВП, отражая их жизненно важную роль в экономике развитых стран, этот сектор также способствует созданию и развитию инфраструктуры [2]. Таким образом, благоприятная деловая среда привлекает больше малых предприятий, отражая положительный деловой климат и экономику. В целом, во всем мире существует консенсус в отношении того, что сектор малого и среднего бизнеса играет важную роль в экономическом росте и развитии. Для Афганистана, входящего в число беднейших стран Южной Азии с ВВП в 2021 г. около 20 млрд долларов [2], присутствие малого и среднего бизнеса является жизненно важным фактором в построении экономики.

Малый и средний бизнес Афганистана: современное состояние

Различные факторы объясняют характеристики малого и среднего бизнеса в разных странах. Данные по странам с низкими душевыми доходами показывают, что преобладающую долю малого и среднего бизнеса составляют индивидуальные предприниматели. В Афганистане 83% малых и средних предприятий (МСП) работают под руководством единственного собственника

[5]. В настоящее время МСП в Афганистане не могут расширять свой бизнес за пределами Афганистана, поскольку им не хватает международной стандартизации и рыночной информации. Эти ограничения делают входение в международную бизнес-среду и конкуренцию на глобальном уровне практически невозможной. В то же время, предприятия малого и среднего бизнеса доминируют на рынке труда, поскольку они создают треть рабочих мест в Афганистане, при этом 80% из них работают в теневой экономике, что ограничивает доходы, получаемые правительством от налогообложения [9]. Многие экономисты считают отсутствие финансирования основным узким местом для ведения малого бизнеса в развивающихся странах. В Афганистане местные малые предприятия прежде всего серьезно страдают от политической нестабильности, незащищенности и повальной коррупции [9].

Афганистан имеет большой торговый дефицит; который в 2020 и 2021 гг. превышал 40% ВВП. Частично это стало результатом огромного притока иностранной помощи, которая существенно увеличила импорт страны и ослабила внутреннюю конкурентоспособность афганских товаров. Приток помощи в основном стимулировал развитие неторгуемых секторов (строительство, здравоохранение, образование), повышая заработную плату и обменный курс за счет конкурентоспособности торгуемого сектора. Отечественные производители оказались не в состоянии конкурировать и соответствовать международным стандартам. Кроме того, производственный и экспортный потенциал серьезно пострадал в результате многолетнего вооруженного конфликта. Поддерживать потребление населения и производственные нужды можно было только за счет массового импорта сельскохозяйственной продукции, оборудования и других промышленных товаров [7].

Истинный размер частного сектора в Афганистане по-прежнему трудно оценить, хотя он явно невелик. Согласно данным 2019 г., вклад формального частного сектора оценивается в 12-20% ВВП. Однако, хотя эти официальные оценки охватывают 700 тыс. компаний, они не включают те, которые «в

основном занимаются сельским хозяйством, горнодобывающей промышленностью, мелким строительством, транспортом, банковским делом и страхованием». Другие доступные отчеты показывают, что деятельность частного сектора в основном связана с сельским хозяйством, транспортом, хранением и связью, строительством и производством продуктов питания, напитков и табака и может составлять большую долю ВВП. Кроме того, неформальный сектор в Афганистане велик и не включен в эти цифры [7]. В табл. 1 представлена отраслевая структура малого и среднего бизнеса в Афганистане.

Таблица 1.

Отраслевая структура малого и среднего бизнеса в Афганистане

Категория бизнеса	%
Сельское хозяйство и животноводство	4
Строительство	7
Производство	34
Другое	4
Поставщик услуг	46
Торговля, импорт и экспорт	5

Источник: [9].

Анализируя информацию базы данных «Doing Business», представленную на платформе Всемирного банка за 2020 г., можно сделать следующие выводы по поводу возможностей и рисков ведения малого и среднего бизнеса в Афганистане: из 190 проанализированных государств Афганистан по возможности регистрации предприятия занимал 52 место, получение разрешений на строительство – 183, подключение к системе электроснабжения – 173, регистрация собственности – 186, получение кредитов – 106, защита миноритарных инвесторов – 140, налогообложение – 178, международная торговля – 177, обеспечение исполнения контрактов – 181, разрешение неплатежеспособности – 76 [1]. Таким образом, в Афганистане, согласно выше представленным данным, существуют неблагоприятные условия для ведения

бизнеса в целом, и малого и среднего бизнеса в частности. В значительной степени на это влияет нестабильная политическая обстановка.

Смена власти в Афганистане после 15 августа 2021 г. привела к серьезной экономической нестабильности и повышенной неопределенности. Разрыв связей с внутренними и международными рынками нанес ущерб производственной деятельности, привел к повышению производственных затрат и ограниченному доступу к производственно-сбытовым цепочкам внутри страны и за рубежом. Были заблокированы зарубежные счета афганского правительства; иностранная помощь, торговля и инвестиции в страну фактически прекратились. Это предвещает катастрофическое финансовое положение в стране, где на внешнюю помощь в последние годы приходилось 75% государственных расходов. На экономическом фронте произошел серьезный сбой в предоставлении финансовых и банковских услуг. Администрация Байдена заморозила активы Центрального банка Афганистана, включая большую часть резервов Центрального банка Афганистана на сумму более 9 млрд долларов США, которые хранятся в США. Национальная валюта, афгани, упала на 6,6% до 86,14 за доллар [6].

В настоящее время после прихода к власти движения «Талибан» экономика Афганистана состоит из сложного сочетания неформальных, формальных, незаконных бизнесов и структур, получающих помощь. Преобладают малые предприятия, а 500 тыс. микропредприятий с менее чем пятью сотрудниками в основном находятся в неформальном секторе и нанимают 90% афганских рабочих. По данным 2021 года, формальный частный сектор составлял всего 10-12% официального ВВП страны [5]. Небольшие размеры формального частного сектора в сочетании с незаконной деятельностью и контрабандой через внешние границы и внутренние каналы страны подрывают налоговую базу экономики, тем самым ограничивая внутреннюю мобилизацию средств, которые могут быть использованы для производственных и социальных целей.

Частный сектор находится в сложной деловой среде. Два конкретных примера проблем микробизнеса: Нур Мохаммад, владелец семейной парикмахерской, сказал, что после прихода к власти талибов 16 августа 2021 г. его бизнес столкнулся с рядом препятствий, поскольку социальная жизнь афганцев в столице изменилась в мгновение ока. До прихода талибов к власти четыре парикмахерских кресла в салоне Мохаммеда приносили ему до 4000 афгани (46 долларов США) в день. Но в августе 2021 г. он зарабатывал около 400 афгани (4 доллара) в день. Теперь он опасается, что не сможет получать свои 400 долларов в месяц за аренду, если жизнь в столице не вернется в норму в ближайшее время. Рядом с парикмахерской Мохаммеда находится небольшой продуктовый магазин, которым управляет 42-летний Юнус. Он тоже опасается, что не сможет позволить себе ежемесячную арендную плату в размере 800 долларов, если жизнь не вернется в норму в ближайшее время [4].

Существуют многочисленные нормативные и ненормативные барьеры, включая коррупцию, ограниченный доступ к финансам, обременительные нормативные акты, отсутствие скоординированной поддержки местной промышленности и незаконную деятельность, находящуюся под влиянием местных полевых командиров. Плохая связь с соседями снижает потенциальные выгоды от торговли. Внутренние перемещения ограничиваются отсутствием безопасного и надежного транспорта и, в более широком смысле, критически важной инфраструктуры, особенно в сельских районах Афганистана. Такая инфраструктура включает ирригационные системы, которые, учитывая экономическое значение сельского хозяйства, имеют важное значение для внутреннего потребления и могли бы повысить продовольственную безопасность и увеличить экспорт, если будут реализованы проекты развития производственно-сбытовой цепочки. Экспорт оставался в основном сельскохозяйственным, и его стоимость составляла менее одной пятой стоимости импорта. Несмотря на некоторый прогресс, достигнутый с начала 2000-х годов, частный сектор играл минимальную роль в качестве движущей силы экономического роста, который был обусловлен преимущественно

внешними грантами (как бюджетными, так и внебюджетными). Частный сектор мог бы способствовать достижению целей устойчивого развития, поскольку многие из них связаны с созданием рабочих мест и обеспечением устойчивых средств к существованию [4].

Помимо слабости институтов, росту частного сектора препятствовали географическая раздробленность, отсутствие физической и логистической инфраструктуры и конфликты по всей стране. В результате частный сектор страдает от «сильной фрагментации». Наследие конфликта привело к поведению рантье в разных частях страны, что привело к «атомистическому» производству, приносящему пользу определенным группам, имеющим различные политические и экономические цели, которые могут быть несовместимы с интересами нации. В дополнение к этому разделению существует острая сегрегация между мужчинами и женщинами в общественной жизни и занятости, что еще больше снижает возможности использования низких затрат на рабочую силу на местном уровне [6].

Заключение

Говоря о возможных перспективах экономического роста, следует признать, что они являются неблагоприятными. Внезапный переход к новому политическому режиму создал неопределенность, привел к потере квалифицированных менеджеров и специалистов частного сектора, валютные резервы страны, хранящиеся за границей, были заморожены, периодические засухи добавили новые проблем для ведения малого и среднего бизнеса.

Сохранение и возрождение афганского частного сектора потребует многофакторного подхода. Необходимо восстановить финансовые каналы, чтобы узкие места, возникающие в результате санкций, не препятствовали импорту и экспорту, а также внутренней торговле. Ключевым моментом восстановления афганской экономики будет предотвращение краха афганской банковской системы. Направление помощи через афганские банки и облегчение финансовых и денежных переводов физических лиц будет необходимым, но

недостаточным. Повышение ликвидности является еще одним важным элементом. Отказ от санкций в отношении авторитетных афганских частных банков будет иметь важное значение не только для оказания гуманитарной помощи и помощи для удовлетворения основных потребностей человека, но и в более широком плане для выживания частного сектора.

Производство, занятость и торговля в частном секторе также должны быть освобождены от санкций. Такая деятельность будет включать экспорт сельскохозяйственных товаров, импорт ресурсов для афганских компаний, выплату заработной платы сотрудникам и др. Риск того, что такая деятельность принесет материальную пользу «Талибану», в значительной степени перевешивается преимуществами поддержания минимальной экономической активности и ограничения дальнейшего обострения гуманитарного кризиса в стране. Важно поддерживать каналы для финансирования торговли, поэтому снятие санкций должно охватывать финансирование торговли как афганскими банками, так и иностранными финансовыми учреждениями, которым должны быть предоставлены благоприятные условия.

Учитывая, что малый и средний бизнес остается основой развития афганской экономики, новый режим должен назначать или сохранять на их постах видных технократов с опытом управления экономикой в основных ведомствах, прежде всего в Министерстве финансов и Центральном банке Афганистана. Имея в Центральном банке Афганистана способных технократов, правительство могло бы изучить способы ответственного повышения монетизации экономики. Министерству финансов необходимо составить проект нового государственного бюджета с реалистичными оценками доходов и сбалансированными расходами. Значительная экономия должна быть получена от ликвидации афганских национальных сил безопасности. Следует избегать чрезмерно оптимистичного бюджетирования, которым иногда занималось предыдущее правительство. Такой бюджет будет сигнализировать о прозрачности и разумном макроэкономическом управлении. Всемирный банк и МВФ могли бы участвовать в нефинансовых технических контактах с

Минфином и банком ДАВ, и небольшая часть валютных резервов могла бы быть высвобождена и использована для обслуживания суверенных долгов перед МФИ, чтобы избежать возникновения просроченной задолженности.

Поддержка малого и среднего бизнеса имеет решающее значение для преодоления произошедшего негативного макроэкономического шока и увеличения внутреннего финансирования. Санкции могут усложнить эту задачу, но можно будет оказывать поддержку малому и среднему бизнесу без нарушения международных законов и компромиссов, используя подход, характеризующийся «осознанной толерантностью к риску» в сочетании с гибкими активными мерами для обхода препятствий и ограничений. Например, США приняли решение о продолжении американской гуманитарной помощи, создавая способ обойти правовые ограничения, которые несут в себе угрозу наказания тех, кто ведет дела с «Талибаном», и могут препятствовать оказанию помощи. Также со стороны США было определено, что личные денежные переводы от афганцев и других лиц, находящихся за пределами страны, родственникам и другим нуждающимся афганцам важны для поддержания и несут в себе минимальный риск перенаправления в пользу «Талибана». Однако в начале ноября 2021 г. талибы объявили о полном запрете на использование иностранной валюты в Афганистане [10]. Это может привести к дальнейшим сбоям в частном секторе и, в более широком смысле, в экономике, тем самым усиливая и без того существенные негативные последствия прекращения международной финансовой поддержки.

Список литературы

1. Афганистан. Благоприятность условий ведения бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/exploreeconomies/afghanistan> (дата обращения: 25.12.2021)
2. ВВП Афганистана: объем, темпы роста, на душу населения, структура [Электронный ресурс]. URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp/afghanistan/> (дата обращения: 25.12.2021)

3. Жидебеккызы А., Мир Зада М.И. Развитие предпринимательства в Афганистане как основа обеспечения эффективной занятости среди молодежи // Научное развитие экономики и управления предприятием. – 2020. – № 8. – С. 65-76.
4. Afghan small business owners in anxious wait over what comes next [Электронный ресурс]. URL: www.aljazeera.com/news/2021/8/24/afghans-feel-economic-pinch-amid-uncertainties (дата обращения: 25.12.2021)
5. Afghanistan: Socio-Economic Outlook 2021-2022. Averting a basic needs CRI. UNDP Afghanistan country office. 2021. November [Электронный ресурс]. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/UNDP-AFG-Afghanistan-Socio-Economic-Outlook-2021-2022.pdf> (дата обращения: 25.12.2021)
6. After Taliban Takeover, Can Afghanistan's Economy Survive? [Электронный ресурс]. URL: www.usip.org/publications/2021/09/after-taliban-takeover-can-afghanistans-economy-survive (дата обращения: 25.12.2021)
7. Boosting Private Sector Development and Entrepreneurship in Afghanistan. OECD. – Paris, 2019.
8. Najafizada E. The role of micro, small and medium size enterprises in Afghan economy. – London: Kingston University, 2014.
9. Rasoli A., Mirza A. Financing Small and Medium Enterprises in Afghanistan // Kardan Journal of Economics and Management Sciences. – 2019. – № 2. – Pp. 97-111.
10. Taliban ban use of foreign currency in Afghanistan [Электронный ресурс]. URL: www.reuters.com/world/asia-pacific/taliban-ban-use-foreign-currency-afghanistan-spokesman-2021-11-02/ (дата обращения: 25.12.2021)

References

1. Afganistan. Blagopriyatnost' uslovij vedeniya biznesa [Afghanistan. Favorable business environment]. Available at: <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/explore/economies/afghanistan> (accessed: 25.12.2021)

2. VVP Afganistana: ob'em, tempy rosta, na dushu naseleniya, struktura [Afghanistan's GDP: volume, growth rate, per capita, structure]. Available at: <https://take-profit.org/statistics/gdp/afghanistan/> (accessed: 25.12.2021)
3. Zhidebekkyzy A., Mir Zada M.I. Razvitie predprinimatelstva v Afganistane kak osnova obespecheniya effektivnoj zanyatosti sredi molodezhi [Business development in Afghanistan as a basis for effective youth employment]. Nauchnoe razvitie ekonomiki i upravleniya predpriyatiem, 2020, № 8, pp. 65-76.
4. Afghan small business owners in anxious wait over what comes next. Available at: www.aljazeera.com/news/2021/8/24/afghans-feel-economic-pinch-amid-uncertainties (accessed: 25.12.2021)
5. Afghanistan: Socio-Economic Outlook 2021-2022. Averting a basic needs CRI. UNDP Afghanistan country office. 2021. November. Available at: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/UNDP-AFG-Afghanistan-Socio-Economic-Outlook-2021-2022.pdf> (accessed: 25.12.2021)
6. After Taliban Takeover, Can Afghanistan's Economy Survive. Available at: www.usip.org/publications/2021/09/after-taliban-takeover-can-afghanistans-economy-survive (accessed: 25.12.2021)
7. Boosting Private Sector Development and Entrepreneurship in Afghanistan. OECD. Paris, 2019.
8. Najafizada E. The role of micro, small and medium size enterprises in Afghan economy. London: Kingston University, 2014.
9. Rasoli A., Mirza A. Financing Small and Medium Enterprises in Afghanistan // Kardan Journal of Economics and Management Sciences, 2019, № 2, pp. 97-111.
10. Taliban ban use of foreign currency in Afghanistan. Available at: www.reuters.com/world/asia-pacific/taliban-ban-use-foreign-currency-afghanistan-spokesman-2021-11-02/ (accessed: 25.12.2021)

© *Мусаев Башир Ахмад*, 2022 г.

Особенности современного международного экономического сотрудничества: вопросы теории и практики

*Шкваря Людмила Васильевна,
Российский университет дружбы народов (РУДН)
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6*

Статья посвящена выявлению особенностей современного международного экономического сотрудничества. Автор характеризует новые особенности международного экономического сотрудничества, которые возникли в период с конца XX – начала XXI вв. (в постглобальную эру). Автором обосновывается точка зрения, что те изменения в глобальной экономике, которые нарастают с конца XX – начала XXI вв. вызвали необходимость разработки и имплементации новых систем регулирования международного экономического сотрудничества.

Ключевые слова: мировая экономика, международное экономическое сотрудничество, регулирование международного экономического сотрудничества, дестабилизация международного экономического сотрудничества, экономические санкции.

JEL коды: F150, F200, F290, F490.

Features of modern international economic cooperation: issues of theory and practice

*Shkvarya Lyudmila Vasilyevna,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6*

The article is devoted to identifying the features of modern international economic cooperation. The author characterizes the new features of international economic cooperation that emerged in the period from the end of the XX - beginning of the XXI centuries (in the post-global era). The author substantiates the point of view that the changes in the global economy that have been increasing since the end of the XX - beginning of the XXI centuries have caused the need to develop and implement new systems of regulation of international economic cooperation.

Keywords: world economy, international economic cooperation, regulation of international economic cooperation, destabilization of international economic cooperation, economic sanctions.

Категория международного экономического сотрудничества в современной науке продолжает активно исследоваться, особенно в XXI в., с целью поиска новых форм и эффектов взаимодействия. Широко распространена точка зрения о том, что «международное экономическое сотрудничество – это система согласованных действий государств и международных организаций, направленных на укрепление стабильности международных экономических отношений, обеспечение национальных интересов и совершенствование правовых механизмов взаимовыгодного сотрудничества» [7].

Однако в нашем исследовании мы будем опираться на подход, что «международное экономическое сотрудничество – это комплекс динамичных и углубляющихся организационных, политических и хозяйственных (производственных, коммерческих и научно-технических) связей с участием государств, их групп и международных организаций, а также отдельных хозяйствующих субъектов, основанный на принципах независимости, соблюдения национального суверенитета и государственных образований, обеспечения взаимной экономической выгоды участников [7]. Такой наш выбор вызван тем, что в мире растут (количественно и качественно) новые формы взаимодействия субъектов хозяйствования именно на страновом уровне.

Государства стремятся наращивать и усиливать свою экономическую безопасность, они готовы более активно защищать национальные экономические интересы, зачастую вступая в противоречие с правилами международных экономических организаций. Развивающиеся страны все активнее продвигают сотрудничество «Юг-Юг», выбирая «нетрадиционных» партнеров в группе развивающихся стран, усиливая свое присутствие в регионах. Так, с 1991 г. Индия начала реализовывать политику «LookEast», что, по мнению некоторых авторов [8], и с этим можно согласиться, даст возможность стране усилить свою экономическую экспансию и в большей степени обеспечить свои экономические интересы. Формируются новые формальные и неформальные объединения – БРИКС, ШОС. Для многих стран

выходят на первый план именно вопросы обеспечения национальных экономических интересов, а не поддержки, например, метрополий.

Именно международное экономическое сотрудничество, с одной стороны, обеспечивает интеграцию страны в систему мирового хозяйства через мировую торговлю, международную миграцию капитала, международные валютно-финансовые отношения, участие в международных экономических организациях, а с другой – рост ее экономики и социальной сферы.

Международное экономическое сотрудничество имеет весьма длительную историю своего развития, однако на каждом этапе сохраняет свои особенности. Если говорить о таких особенностях конца XX – начала XXI вв. (в постглобальную эру), то можно отметить следующее.

1. Наднациональное регулирование международного экономического сотрудничества и деятельность международных экономических организаций сохраняется.

На самом базовом уровне страны стремятся стимулировать рост своего внутреннего производства, предпринимательства и рынка на основе расширения торгового и инвестиционного сотрудничества с другими странами, в первую очередь – за счет стимулирования экспорта и поощрения иностранных инвестиций, особенно ПИИ, в свои страны.

Однако в силу роста конкуренции между странами, с одной стороны, и необходимостью глобальной стабилизации и «прозрачности» сотрудничества, с другой стороны, более справедливого распределения ограниченных ресурсов было важно выровнять условия торговли и уменьшить сферы экономических разногласий как основы роста нестабильности, противоречий и даже конфликтов между странами.

Поэтому в XX в., особенно во 2-й его половине, международное экономическое сотрудничество осуществлялось на основе инициированных и созданных западными странами институтов международного регулирования – международных экономических организаций, международных договоренностей – двусторонних и многосторонних, союзов и объединений, причем зачастую

ведущая роль отводилась международному праву перед национальным. При этом некоторые западные авторы рассматривают международное экономическое регулирование как глобальное общественное благо [24].

Для целей экономического регулирования международные организации (появившиеся главным образом после Второй мировой войны) и наднациональные структуры, в том числе различные объединяющиеся на основе региональной интеграции (ЕС, НАФТА, АСЕАН и др.) или иной базе (например, БРИКС, ОПЕК, ЛАГ) группы стран (появившиеся несколько позднее), создали соответственно уставы своих организаций и правила деятельности отдельных государств на международном уровне, которые во многом ограничивают возможности защиты странами своих национальных интересов от растущего и весьма неоднозначного внешнего влияния.

Действительно, например, ГАТТ (ВТО) была создана с целью сокращения, устранения тарифных ограничений во внешней торговле между государствами, т.е. для обеспечения возможностей этих конкретных государств-создателей ГАТТ с помощью уменьшения таможенных пошлин вначале «освоить» рынок этих стран-организаторов, а затем и рынки новых стран-членов. Эта организация, принимая все новых членов на определенных условиях, заставляя их сокращать тарифные и нетарифные инструменты защиты национальных рынков [см., например: 15; 4], по факту содействовала торговой экспансии «старых» участников, обеспечивая им определенные – и весьма заметные – преимущества и облегчая захват зарубежных рынков сбыта и доступ к сырьевым ресурсам. Стоит отметить, что идеологом внешнеторговой экспансии и либеральной глобализации стал еще Адам Смит, который обосновывал точку зрения о том, что странам, не имеющим абсолютных преимуществ, не стоит создавать свои национальные производства, а лишь больше импортировать у тех зарубежных производителей, которые такими преимуществами обладают (фактически, у Англии) [12].

В то же время исследователи констатировали, что «либерализация мировой торговли, осуществляемая по линии ГАТТ, а затем ВТО, в целом

благоприятно сказывается на мировой экономике. Наибольший выигрыш от нее, тем не менее, получают мощные экономические державы» [5]. Однако расширение мировой торговли происходит неравномерно, и лишь ограниченное число развивающихся стран добились заметного роста своего экспорта. Протекционистское давление и односторонние политические действия по-прежнему ставят под угрозу функционирование открытой многосторонней торговой системы, особенно затрагивая экспортные интересы развивающихся стран.

Аналогичная ситуация складывается и в сфере международных финансов. Международный валютный фонд (МВФ), предоставляя кредиты развивающимся странам мира, ставит их получение в жесткую зависимость от выполнения этими странами так называемых «программ развития» («обусловленные кредиты»), декларирующихся как инструмент развития, а по факту таковым далеко не являющихся.

Так, исследователи отмечают, что в результате кредитной активности МВФ задолженность стран-заемщиц перед этой организацией возросла до таких масштабов, что стала представлять угрозу их национальной безопасности [1, С.336]. Следовательно, кредитная политика МВФ выступает, фактически, инструментом управления политикой – внутренней и внешней – страны-реципиента.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), созданная 30 сентября 1961 г., часто упоминается как один из трех (помимо ГАТТ/ВТО и МВФ) ведущих институтов глобального управления. В частности, Джозеф Най в своей книге «Парадокс американской власти» определяет ОЭСР как один из элементов триумvirата органов международного управления, включающих, помимо ОЭСР, также ВТО и МВФ, которые, по мнению автора, «служат основой правил для мировой экономики» [23].

Авторы определяют ОЭСР как «клуб богатых стран» [21], «консультативный форум», «мозговой центр» и «пул статистических и

экономических знаний», и все эти определения характеризуют ту или иную ипостась ОЭСР.

ОЭСР, чей мандат заключался в реализации Плана Маршалла по восстановлению послевоенной Европы, в настоящее время занимается исследованием различных, и весьма многочисленных, сфер международной экономической деятельности и сотрудничества, включая международную торговлю и финансы, отраслевые аспекты (промышленность, сельское и рыбное хозяйство), а также науку и образование. Более того, эксперты ОЭСР осваивают и новые проблемные области.

Так, понятие «торговля услугами» впервые появилось именно у ОЭСР в 1972 г. [20]. ОЭСР была также в авангарде и многих других передовых научных дискуссий в различных сферах, таких как интеллектуальная собственность, генная инженерия, проблемы пенсионного обеспечения и старения общества, безопасность пищевых продуктов, биотехнологии, компьютерная безопасность и риски мегатерроризма [31].

Сегодня ОЭСР остается наименее четко определенной из всех международных организаций, «без общепризнанного смысла существования, без четкой цели, с несколькими очень четкими обязательствами... и без простых целей, которые требовали общественного понимания» [19]. Даже собственное описание ОЭСР своей роли как «форума, где правительства могут объединять идеи и опыт для решения экономических, социальных и управленческих проблем XXI века» несколько расплывчато [27].

Однако, по факту, функции, взятые на себя ОЭСР в мировой экономике, достаточно четкие. Они сводятся к сбору и распространению информации, в том числе статистической, и прогнозирования, а также разработки международных стандартов¹, распространяя свои предписания в глобальном масштабе, т.е. и на те страны, которые не являются ее членами.

¹ ОЭСР приняла 180 Законов по целому спектру вопросов

С другой стороны, «...установленные «Вашингтонским консенсусом» правила, естественным образом, подталкивали мировое хозяйство к усилению диспропорций и к глубокому структурному кризису» [3].

Однако после глобального финансового кризиса 2008-2009 гг. международное регулирование так и не смогло стабилизировать мировую экономику как в финансовом, так и в торговом аспекте, что на фоне роста неравномерности социально-экономического развития стран вызвало необходимость разработки и имплементации новых систем регулирования.

В то же время, несмотря на имеющиеся противоречия, многие авторы говорят о том, что на рубеже веков можно констатировать усиление взаимозависимости стран как субъектов хозяйствования, роль экономического взаимодействия усиливается, а зависимость вступает уже не как следствие, но как причина взаимодействия [2].

2. Рост угроз стабильности международного экономического сотрудничества – как «традиционных», так и новых.

Углубляясь в качественные аспекты мирового развития и международного экономического сотрудничества за последние полвека, и особенно за последние 20 лет, можно констатировать, что международные институты регулирования (международные организации), как и международное регулирование экономического сотрудничества, не только сталкиваются с традиционными вызовами безопасности, такими как региональные и внутренние конфликты, но и вынуждены сталкиваться с нетрадиционными угрозами безопасности, такими как изменение климата, кибербезопасность, терроризм и инфекционные заболевания. Международная обстановка становится все более сложной, а нестабильность и неопределенность значительно возрастают. Среди угроз, нарушающих стабильность международного, в том числе и регионального, экономического сотрудничества, следует отметить также внутристрановые и региональные социальные и военные конфликты, количество которых, начиная с 2011 г., существенно возросло, как и более или менее заметное негативное воздействие на национальную, региональную и мировую экономику.

Эти и другие проблемы и дисбалансы оказывают растущее и разноплановое влияние на международное экономическое сотрудничество, что отмечают многие исследователи как в России, так и за рубежом [17; 18].

3. Наряду с ростом угроз экономическому сотрудничеству на международном уровне, существенное и весьма неоднозначное влияние на это сотрудничество оказывает *растущий в мире процесс изменения роли и позиций стран в системе мирового хозяйства*, что усиливает как глобальную нестабильность в целом, так и международного экономического сотрудничества, в частности. Последнее связано с тем, что отдельные страны поставлены перед необходимостью трансформировать свои международные экономические связи в географическом и/или региональном аспектах. Соответственно, происходит и изменение географической структуры мирового рынка.

Действительно, экономический вклад в мировой ВВП развивающихся стран увеличился и, похоже, это не временное явление. Так, ВВП США за исследуемый период вырос в 19,5 раза, а КНР – в 159 раз, что говорит само за себя. Стоит отметить, что ВВП (в стоимостном выражении) региона Северной Африки и Ближнего Востока вырос в 49,4 раза, несмотря на то что основным фактором роста экономики этих стран в XX в. оставались, главным образом, традиционные для них углеводородные и другие природные ресурсы, добывающая промышленность в целом.

Статистические данные UNCTAD [31] подтверждают, что в 1970 г. США производили 31,5% мирового ВВП, а в 2020 г. – 24,8%, в то время как Северная Америка, соответственно – 39,4 и 32%; на долю ЕЭС (Европейского экономического сообщества) приходилось 22,4% в 1970 г. и 17,9% в 2020 г., в том числе Германии – 4,4% мирового ВВП в 2020 г.

В то же время КНР продуцировала в 1970 г. лишь 2,7% мирового ВВП, а в 2020 г. – уже 17,4%. Сегодня эта страна занимает 2-е место в мире по показателю производства ВВП и осталась практически единственной среди крупнейших экономик, чей ВВП вырос в 2020 г., невзирая на глобальную пандемию.

Следовательно, экономическая мощь развитых стран существенно сократилась и, напротив возросла доля в мировом ВВП государств с развивающимися рынками, что подтверждают не только международные статистические данные, но и исследователи из разных стран [11; 26; 22; 28].

Эта же ситуация присутствует и в сфере мировой торговли. Однако по странам и регионам тенденции в сфере международной торговли, как и в производстве ВВП, не столь однозначны.

Китай занимает 1-е место в мире по стоимостному объему внешней торговли с долей в 13% мирового товарооборота в 2020 г., в том числе доля экспорта КНР достигла 14,7%, а импорта – 11,5% от мировых показателей. В 1970 г. эти показатели составляли, соответственно, 0,71%; 0,73% и 0,69%. За исследуемый период этот показатель в КНР увеличился рекордным образом – в 1013,26 раз (!), в том числе рост экспорта период достиг 1123,034 раз, а импорта – 902,1 раз (рис. 1).

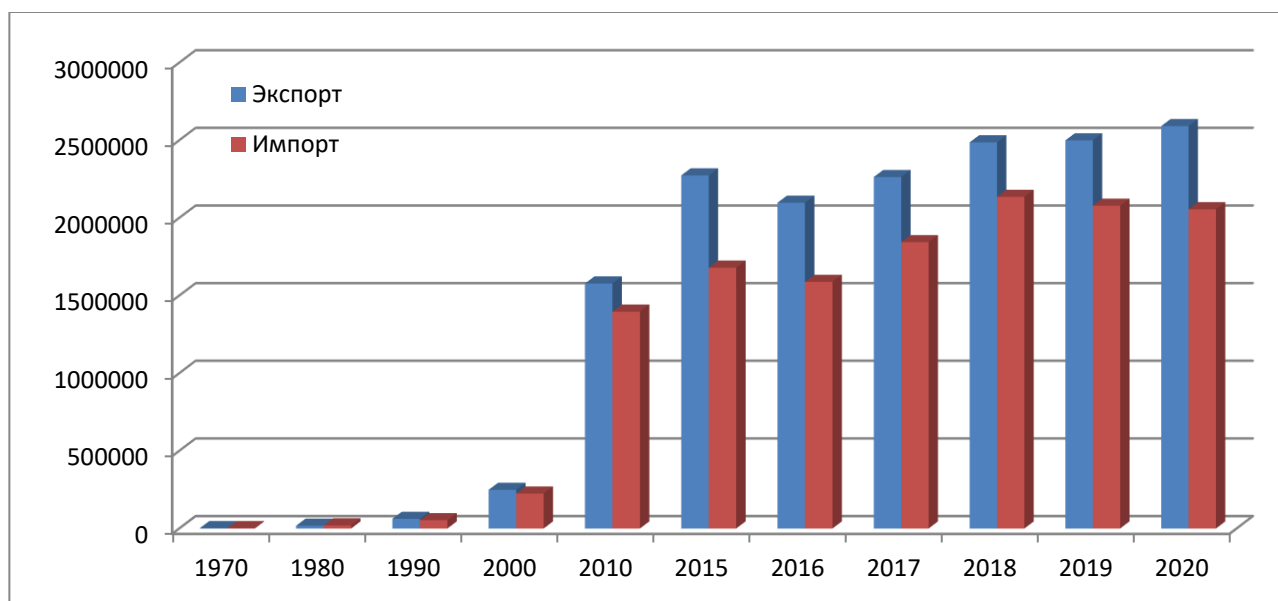

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта Китая в 1970-2020 гг., млн долл. в текущих ценах и текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным [31].

Fig. 1. The dynamics of China's exports and imports in 1970-2020, million dollars in current prices and the current rate.

Source: compiled by the author according to [31].

При этом на протяжении практически 20 последних лет Китай сохранял положительное сальдо внешнеторгового баланса (рис. 1), позволяя стране аккумулировать валютные ресурсы для инвестиций как в национальную экономику, так и для целей иностранного инвестирования, в то время как в XX в. оно было отрицательным.

Многие авторы отмечают, что это положение – как в мировой торговле, так и в производстве ВВП – во многом представляет собой результат грамотной и взвешенной экономической политики Китая [29]. Соответственно, и в мировой «табели о рангах» Китай находится на 1-м месте в мире по объему экспорта и на 2-м – по объему импорта, и именно активизация международного сотрудничества в этой, а также в инвестиционной сферах обеспечивают стране как высокую и устойчивую динамику производства ВВП, так и лидирующие позиции в мире. Следовательно, опыт КНР в определенной степени возможно повторить и другим странам, в том числе государствам с развивающимися рынками.

США изначально находились на ключевой позиции в мировой торговле: доля страны в мировом товарообороте, экспорте и импорте занимала в 1970 г., соответственно, 13,2%; 13,6% и 12,8%. Таким образом, страна как минимум на протяжении последней трети XX в. показывала весьма выгодное положение на мировом рынке. Но в 2020 г. ее удельный вес в мировых показателях товарооборота, экспорта и импорта составил, соответственно, 10,8%; 8,1%; 13,5%. Это уже меньше доли КНР, за исключением импорта, и динамика такова, что резкого изменения ожидать не представляется возможным.

Сегодня США занимают 2-е место по объему мирового товарооборота и экспорта, сохраняя за собой 1-е место в мире по объему импорта (рис. 2).

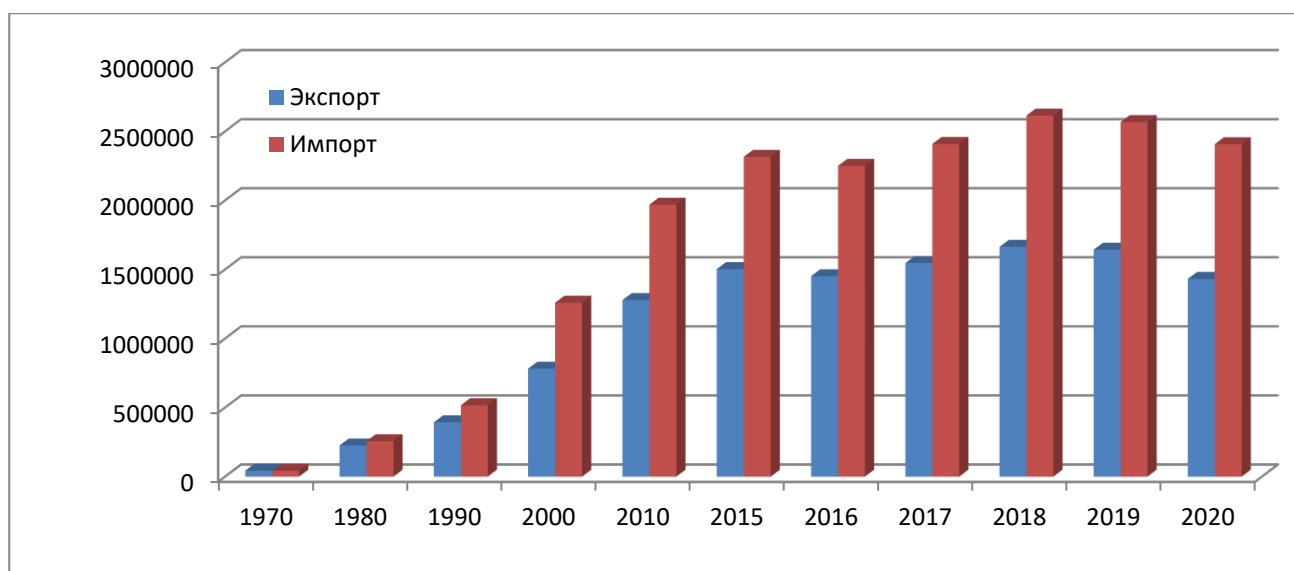

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта США в 1970-2020 гг., млн долл. в текущих ценах и текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным [31].

Fig. 2. The dynamics of US exports and imports in 1970-2020, million dollars in current prices and the current rate.

Source: compiled by the author according to [31].

Это, с учетом роста отрицательного внешнеторгового баланса страны, можно рассматривать скорее как стратегическую проблему национальной экономики страны и угрозу ее лидирующему положению в мировой экономике и международных экономических отношениях, увеличению внешнего долга и росту напряженности с партнерами по экономическому диалогу.

Из рис. 3 можно видеть, как менялось соотношение товарооборота США и КНР за исследуемый период, отражая, по сути, трансформацию мирового рынка и мировой экономики в целом.

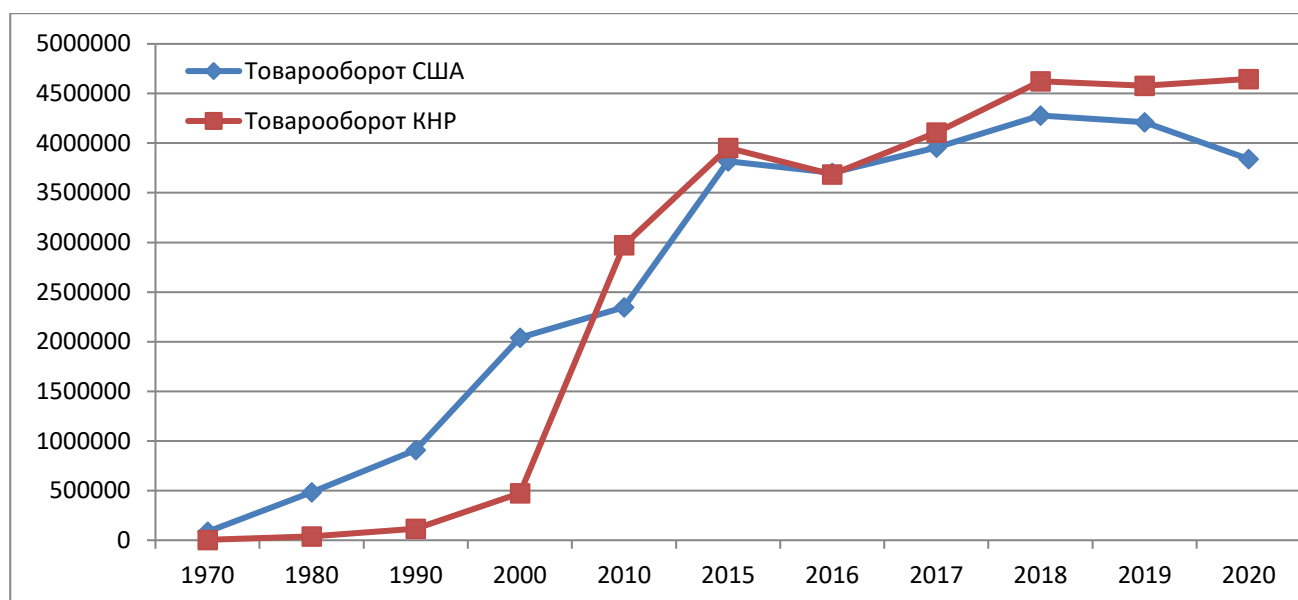

Рис. 3. Изменение товарооборота США и КНР в 1970-2020 гг., млн долл. в текущих ценах и по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным [31].

Fig. 3. The change in trade between the United States and China in 1970-2020, million dollars in current prices and at the current rate.

Source: compiled by the author according to [31].

Причем ключевыми моментами, как видно из рис. 3, стали 2008 и 2014 гг. Любопытно, что именно в 2014 г. США и другие страны Запада инициировали антироссийские экономические санкции, призванные, по их мнению, «разорвать в клочья» российскую экономику. Похоже, что ситуация сложилась по-иному.

4. Еще одной проблемой, оказывающей главным образом негативное влияние на состояние и динамику международных экономических связей, остаются *международные экономические санкции*.

Как правило, это западные санкции, которые можно рассматривать как дискриминационные меры воздействия для повышения собственной конкурентоспособности на мировом рынке и, соответственно, сокращения конкурентоспособности и положительных эффектов международного сотрудничества для стран, ставших объектами этих санкций («наказания» стран за проводимую ими «неправильную» политику) [25].

Стоит отметить, что сегодня экономические санкции, направленные коллективным Западом против национальных экономик или секторов тех или иных стран мира, приобрели уже весьма значительный характер – количественно и качественно – и оказывают растущее влияние на национальную экономику отдельных стран, на региональные и мировую системы экономического сотрудничества стран, их включение в мировое хозяйство [9].

При этом основу экономических санкций составляют торговые, к тому же страны-инициаторы санкций – это ведущие участники ВТО (США, страны ЕС) и других международных организаций. В то же время данная практика нарушает правила и принципы ВТО, подрывая тем самым фундаментальные основы деятельности данной организации. Это приводит некоторых исследователей к выводу о том, что экономические санкции формируются и укрепляются как новый инструмент конкурентной борьбы в мировой экономике и торговле даже в практике стран, входящих в ВТО [6].

Главное же последствие экономических санкций заключается в том, что они и искажают, и затрудняют международное экономическое сотрудничество во всех сферах. Более того, будучи направлены против некоторых государств, восстановление экономики которых становится для них первостепенной задачей, санкции не позволяют этим странам активнее включиться в процессы международной (в том числе региональной) торговли, миграции капитала, особенно ПИИ в стратегические отрасли национального хозяйства, активизировать трансфер технологий. Как и в большинстве социально-экономических процессов, здесь задействованы усилия конкретных сторон. Т.е. имеет место экономическое противостояние субъектов мировой экономики/международных экономических отношений, и это уже не традиционная борьба за ресурсы и рынки сбыта.

Таким образом, «постглобальная эра», привнесла изменения в систему мировой экономики, оказала значительное влияние и на систему международных экономических отношений, международных экономических связей стран, трансформировав ее и географически, и институционально. Так, по

нашему мнению, гораздо более значительные, хотя, возможно, и менее заметные, изменения в регулировании современного международного экономического сотрудничества как формы мирохозяйственного взаимодействия осуществляются в рамках внеинституционального регулирования международных экономических отношений, или воздействия одних субъектов мировой экономики на политику и действия других. В мире растет применение – количественно и качественно – санкционного давления [25], военных конфликтов в рамках отдельных (и весьма многочисленных) национальных государств, особенно на Ближнем Востоке и в Северной Африке и др. и необходимостью их восстановления, с соответствующим влиянием этих процессов не только на экономики отдельных стран [10], но и на региональные и глобальные процессы в сфере международного экономического сотрудничества [16].

Оно все больше принимает форму торговых «войн» (например, США – Китай), выхода стран (зачастую тех же США) из международных договоров (и разработки – пока теоретической – возможности и необходимости выхода из международных организаций [14]) и даже провоцирование гражданских и военных конфликтов в различных странах и регионах мира и др. По сути, «торговые войны» и применяемые против отдельных стран санкции фактически являются нелегитимными с точки зрения международных правил ВТО.

Следовательно, в системе мировой экономики запущен процесс роста протекционистских решений на страновом и региональном уровнях, внутри и вне интеграционных и других объединений (БРИКС), а также формирование новых или рост значения действующих (ШОС [13]) объединений стран, а также формирование новых инициатив («Один пояс, один путь»), механизмов и правил (внедолларовые расчеты между странами) и проч.

Все вышеизложенное говорит о продолжающемся и углубляющемся процессе трансформации структуры мировой экономики, которое оказывает дестабилизирующее влияние и на национальные процессы, и на международное экономическое сотрудничество.

Список литературы

1. Доклад о мировом развитии 2000-2001. Наступление на бедность. – М.: Издательство «Весь мир», Всемирный банк, 2001.
2. Загашвили В. Независимость в условиях взаимозависимости // Общественные науки и современность. – 1995. – № 5. – С.14-25.
3. Закат империи США: Кризисы и конфликты. – М.: МАКС Пресс, 2013.
4. Захарова Е.В., Русакович В.И. Вступление России в ВТО: ограничения и возможности на современном этапе. – М., 2016.
5. Зименков Р.И. Либерализация международной торговли: подход Вашингтона // США и Канада. Экономика – политика – культура. – 1999. – № 2. – С.19-35.
6. Кайгородов-Хамошин Р.А. Роль санкций в формировании национальной экономической политики: дисс. ... канд. экон. наук. – М.: Российский университет дружбы народов, 2019.
7. Ксенофонтова М.В. Система международного экономического сотрудничества // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 3. – С.177-179.
8. Куприянов А.В. Индийский разворот к Южной Пацифике: причины и возможные последствия // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 12. – С.29-37.
9. Меланьина М.В. Экономические санкции в мировой экономике: теоретические аспекты // Мировая экономика в XXI веке: Value and Values. – М.: РУДН, 2019. – С. 100-104.
10. Меланьина М.В. Влияние санкционных ограничений на динамику внешней торговли России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2018. – № 11 (117). – С. 4.
11. Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века / И. А. Родионова, В. В. Алексеев, Ф. Г. Альжанова [и др.]. – М.: ИД Университетская книга, 2016.

12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Ось-89, 1997.
13. Фролова Е.Д. Геоэкономический механизм сотрудничества стран ШОС: теоретический аспект // Проблемы международного сотрудничества в рамках ШОС, 2012. – С. 45-53.
14. Хэ М. Вступление и выход страны из ВТО: возможность и необходимость // Актуальные проблемы глобальной экономики. – М.: РУДН, 2011. – С. 124-131.
15. Хэ М. Условия и порядок приема государств в международные организации // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 3 (67). – С. 193-196
16. Шкваря Л.В. Российско-европейские санкции и их влияние на региональные и глобальные экономические процессы // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 7 (84). – С. 349-353.
17. Шкваря Л.В., Сичжэ В. Социально-экономическое развитие Китая и цифровые трансформации // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 3 (116). – С. 132-136
18. Aidrous I.A., Asmyatullin R.R., Glavina S.G. The development of the digital economy GCC countries experience // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 280. – Pp. 163-169.
19. Camps M. “First World” Relationships: The Role of the OECD. Atlantic Institute for International Affairs, 1975.
20. Cohn T. Governing Global Trade: International institutions in conflict and Convergence. Ashgate, 2002.
21. Fuentes D.D., Clifton J. The Organisation for Economic Cooperation and Development 1961–2011: Challenges for the Next 50 Years // Global Policy. – 2011. – Vol. 2. – Iss. 3. – Pp. 297-306.
22. Hudson R. Regions and Regional Uneven Development Forever? // Regional Studies. – 2007. – Vol. 41. – Iss. 9. – Pp. 1149-1160.
23. Joseph N. The Paradox of American Power: Why the World’s Only Superpower Can’t Go It Alone. Oxford University Press, 2002.

24. Kaul I., Grunberg I., Stern M.A. (eds.) *Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century // Journal of Government Information*. – 2000. – Vol. 27. – Issue 6. – Pp.910-912.
25. Melanina M. The role of sanctions in modern conditions of globalization and their impact on the Russian economy // *The Genesis of Genius*. – 2016. – № 1. – С. 16-19.
26. Mintzberg H., Quinn D., Ghoshal S. *Strategic process. Concepts, problems and solutions*. – St. Petersburg: Publishing house “Ravnovesie”, 2004.
27. OECD, *Annual Report 2003*. – OECD, 2003.
28. Reuveny R. Uneven Economic Growth and the world economy's North-South stratification // *International studies quarterly*. – 2008. – Vol. 52. – Issue 3. – Pp. 579-605.
29. Solovieva Y.V., He M. China-EU trade: dynamics and current trends // *Lecture Notes in Networks and Systems*. – 2021. – Vol. 198. – С. 1907-1913.
30. *The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the 21st Century*. Princeton University Press, 2000)
31. UNCTAD. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed: 24.12.2021)
32. Woodward R. The Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) // *New Political Economy*. – 2004. – Vol. 9. – Issue 1. – Pp.113-127.

References

1. *Doklad o mirovom razviti 2000-2001. Nastuplenie na bednost [World Development Report 2000-2001. The Attack on Poverty]*. Moscow: Izdatelstvo «Ves mir», Vsemirnyj bank, 2001.
2. Zagashvili V. Nezavisimost v usloviyah vzaimozavisimosti [Independence in interdependence]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 1995, № 5, pp.14-25.
3. *Zakat imperii SSHA: Krizisy i konflikty [US Empire Sunset: Crises and Conflicts]*. Moscow: MAKS Press, 2013.

4. Zaharova E.V., Rusakovich V.I. Vstuplenie Rossii v VTO: ogranicheniya i vozmozhnosti na sovremennom etape [Russia's accession to the WTO: limitations and opportunities at the current stage]. Moscow, 2016.
5. Zimenkov R.I. Liberalizaciya mezhdunarodnoj trgovli: podhod Vashingtona [Liberalization of international trade: the approach of Washington]. SSHA i Kanada. Ekonomika – politika – kultura, 1999, № 2, pp.19-35.
6. Kajgorodov-Hamoshin R.A. Rol sanktsij v formirovanii nacionalnoj ekonomicheskoy politiki [The role of sanctions in shaping national economic policies]: thesis for the degree of PhD (Economics). Moscow: RUDN, 2019.
7. Ksenofontova M.V. Sistema mezhdunarodnogo ekonomicheskogo sotrudnichestva [System of international economic cooperation]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, № 3, pp.177-179.
8. Kupriyanov A.V. Indijskij razvorot k Yuzhnoj Patsifike: prichiny i vozmozhnye posledstviya [Indian reversal to South Pacifica: causes and possible consequences]. Aziya i Afrika segodnya, 2021, № 12, pp. 29-37.
9. Melanina M.V. Ekonomicheskie sanktsii v mirovoj ekonomike: teoreticheskie aspekty [Economic sanctions in the world economy: theoretical aspects]. Mirovaya ekonomika v XXI veke: Value and Values. Moscow: RUDN, 2019, pp. 100-104.
10. Melanina M.V. Vliyanie sanktsionnyh ogranichenij na dinamiku vneshnej trgovli Rossii [Impact of sanctions restrictions on Russia's foreign trade dynamics]. Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal, 2018, № 11 (117), p. 4.
11. Metamorfozy v prostranstvennoj organizacii mirovoj ekonomiki v nachale XXI veka / I. A. Rodionova, V. V. Alekseev, F. G. Alzhanova [et al.] [Metamorphoses in the spatial organization of the world economy at the beginning of the 21st century]. Moscow: ID Universitetskaya kniga, 2016.
12. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [Research on the nature and causes of peoples' wealth]. Moscow: Os'-89, 1997.
13. Frolova E.D. Geoekonomicheskij mekhanizm sotrudnichestva stran SHOS: teoreticheskij aspekt [Goeconomic mechanism of SCO cooperation: theoretical

aspect]. Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v ramkah SHOS, 2012, pp. 45-53.

14. He M. Vstuplenie i vyhod strany iz VTO: vozmozhnost i neobhodimost [Country's accession and withdrawal from WTO: opportunity and necessity]. Aktualnye problemy globalnoj ekonomiki. Moscow: RUDN, 2011, pp. 124-131.

15. He M. Usloviya i poryadok priema gosudarstv v mezhdunarodnye organizacii [Conditions and procedure for admission of States to international organizations]. Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava, 2009, № 3 (67), pp. 193-196.

16. Shkvarya L.V. Rossijsko-evropejskie sanktsii i ih vliyanie na regionalnye i globalnye ekonomicheskie processy [Russian-European sanctions and their impact on regional and global economic processes]. Ekonomika i predprinimatel'stvo, 2017, № 7 (84), pp. 349-353.

17. Shkvarya L.V., Sichzhe V. Socialno-ekonomicheskoe razvitie Kitaya i tsifrovye transformatsii [China's socio-economic development and digital transformation]. Ekonomika i predprinimatel'stvo, 2020, № 3 (116), pp. 132-136.

18. Aidrous I.A., Asmyatullin R.R., Glavina S.G. The development of the digital economy GCC countries experience. Lecture Notes in Networks and Systems, 2021, vol. 280, pp. 163-169.

19. Camps M. "First World" Relationships: The Role of the OECD. Atlantic Institute for International Affairs, 1975.

20. Cohn T. Governing Global Trade: International institutions in conflict and Convergence. Ashgate, 2002.

21. Fuentes D.D., Clifton J. The Organisation for Economic Cooperation and Development 1961–2011: Challenges for the Next 50 Years. Global Policy, 2011, vol. 2, iss. 3, pp. 297-306.

22. Hudson R. Regions and Regional Uneven Development Forever? Regional Studies, 2007, vol. 41, iss. 9, pp. 1149-1160.

23. Joseph N. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002.

24. Kaul I., Grunberg I., Stern M.A. (eds.) Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century. *Journal of Government Information*, 2000, vol. 27, iss. 6, pp.910-912.
25. Melanina M. The role of sanctions in modern conditions of globalization and their impact on the Russian economy. *The Genesis of Genius*, 2016, № 1, pp. 16-19.
26. Mintzberg H., Quinn D., Ghoshal S. Strategic process. Concepts, problems and solutions. St. Petersburg: Publishing house “Ravnovesie”, 2004.
27. OECD, Annual Report 2003. OECD, 2003.
28. Reuveny R. Uneven Economic Growth and the world economy's North-South stratification. *International studies quarterly*, 2008, vol. 52, iss. 3, pp. 579-605.
29. Solovieva Yu.V., He M. China-EU trade: dynamics and current trends. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2021, vol. 198, pp. 1907-1913.
30. *The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the 21st Century*. Princeton University Press, 2000.
31. UNCTAD. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed: 24.12.2021).
32. Woodward R. The Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD). *New Political Economy*, 2004, vol. 9, iss. 1, pp.113-127.

© Шкваря Людмила Васильевна, 2022 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БИЗНЕС**Анализ высокотехнологичного международного взаимодействия ОАЭ на примере деятельности компании Etisalat – Emirates Telecom Corp***Ахмади Фатима,**Российский университет дружбы народов (РУДН)**117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6*

В данной статье проведен анализ деятельности телекоммуникационной компании Etisalat (ОАЭ). Исследуются критерии классификации компании как транснациональной компании (ТНК). Кратко охарактеризована внутривострановая и международная деятельность компании, представлена структура ее продуктов (оказываемых услуг). Оценен уровень национализации деятельности компании, рассчитаны показатели: индекс национализации, индекс расширения сети, индекс интернационализации, индекс легкости ПИИ. Проведен анализ распределения деятельности компании в разных регионах мира (общее количество, продажи продукции, активы). Выявлены особенности транснационализации компании и влияние эпидемии на ее зарубежную деятельность.

Ключевые слова: *Emirates Telecommunication Group Company, Etisalat, транснационализация, международное сотрудничество, высокотехнологичное сотрудничество.*

JEL коды: *F200, F230, F290.*

Analysis of high-tech international cooperation of the UAE on the example of the activities of the company Etisalat - Emirates Telecom Corp*Ahmadi Fatima,**Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)**117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6*

This article analyses the activities of Etisalat Telecommunications Company (UAE). Criteria for classifying a company as a transnational company (TNC) are being investigated. The company's internal and international activities are briefly described, the structure of its products (services provided) is presented. The level of nationalization of the company's activities was estimated, indicators were calculated: nationalization index, network expansion index, internationalization index, FDI ease index. An analysis of the distribution of the company's activities in different regions of the world (total number, sales of products, assets) was carried out. The peculiarities of the company's trans-nationalization and the impact of the epidemic on its foreign activities were revealed.

Keywords: *Emirates Telecommunication Group Company, Etisalat, transnationalization, international cooperation, high-tech cooperation.*

Страны Ближнего Востока все активнее включаются в высокотехнологичную и цифровую международную деятельность. Ряд компаний региона активизировали свое присутствие на международном телекоммуникационном рынке, что усиливает позиции региона в Азии и в мире в целом, содействует его отраслевой диверсификации и стабилизирует социально-экономическую ситуацию. Это имеет особенно важное значение для региона в условиях роста глобальной нестабильности, что отмечают многие исследователи [1].

Вообще как российские, так и зарубежные исследователи уделяют большое внимание диверсификации стран БВСА [4], в том числе – инновационному и высокотехнологическому развитию этого региона [12]. Многие авторы, и с этим можно согласиться, оценивают высокотехнологичный, инновационный и даже цифровой его потенциал как высокий [2].

Одним из ярких примеров такой деятельности служит компания ПАО Emirates Telecommunication Group Company (Etisalat), которая была основана в 1976 г. как акционерное общество британской компанией International Aeradio Limited и местными партнерами как первый поставщик телекоммуникационных услуг в ОАЭ. С 1983 г. правительство ОАЭ владеет 60% акций компании, а оставшиеся 40% стали публичными. В 1991 г. центральное правительство ОАЭ издало Федеральный закон № 1, который дал корпорации право предоставлять услуги проводной и беспроводной связи в стране и с другими странами. Это также дало фирме право выдавать лицензии на владение, импорт, производство, использование или эксплуатацию телекоммуникационного оборудования. Это фактически наделило Etisalat как регулируемыми, так и контролирующими полномочиями, что завершило монополию телекоммуникационного гиганта в ОАЭ. Чтобы гарантировать экономическое развитие страны, в законе были предусмотрены положения о развитии сектора электросвязи в стране.

Сегодня Etisalat Group – международная высококласная организация, предоставляющая инновационные решения и услуги 149 млн абонентам в 16

странах Ближнего Востока, Азии и Африки. Etisalat – самая быстрая мобильная сеть в мире по версии Ookla® Speedtest® в 2020 г. Компания Brand Finance назвала Etisalat «самым ценным брендом портфеля» на Ближнем Востоке и в Северной Африке (MENA) и стала первой группой с Ближнего Востока, преодолевшей барьер в 10 млрд долларов США (с точки зрения увеличения стоимости портфеля).

Увеличение количества линий обмена с 36 000 в 1976 г. до более 737 000 в 1998 г. было одним из важных показателей роста и развития сети Etisalat [8]. Сегодня Etisalat занимает 140-е место среди 500 крупнейших корпораций мира по версии Financial Times с точки зрения рыночной капитализации и оценивается журналом The Middle East как 6-я крупнейшая компания на Ближнем Востоке с точки зрения капитализации и доходов. Корпорация является крупнейшим участником программ развития федерального правительства ОАЭ за пределами нефтяного сектора.

Некоторые из Интернет-услуг для домашних пользователей, которые предлагает Etisalat, включают:

- мобильный доступ в Интернет 3G;
- мобильный доступ в Интернет 4G;
- услуги широкополосного Интернета;
- коммутируемый доступ в Интернет по предоплате и постоплате;
- сервисы облачных игр в партнерстве с Game stream;
- международное присутствие.

Критерии транснациональности компании Etisalat

Etisalat – это транснациональная телекоммуникационная компания, что подтверждает ряд индексов транснациональности, рассчитанных автором и представленных в табл. 1.

Таблица 1.

Транснациональные критерии компания Etisalat в 2016-2018 гг., млн долл.

	Etisalat-Emirates Telecom Corp	Иностранные	Всего	ТНИ, %
2018	Активы	16281	34103	44,7
	Продажи	5487	14265	
	Занятость, человек	20529	43000	
2017	Активы	17629	34931	46,3
	Продажи	5321	14068	
	Занятость, человек	19939	39508	
2016	Активы	17629	34931	51,1
	Продажи	5320	14068	
	Занятость, человек	25680	39508	

Источник: составлено по данным [14].

Table 1.

Transnational criteria Etisalat in 2016-2018, million dollars

	Etisalat-Emirates Telecom Corp	Foreign	Total	TNI, %
2018	Assets	16281	34103	44,7
	Sales	5487	14265	
	Employment, people	20529	43000	
2017	Assets	17629	34931	46,3
	Sales	5321	14068	
	Employment, people	19939	39508	
2016	Assets	17629	34931	51,1
	Sales	5320	14068	
	Employment, people	25680	39508	

Source: compiled according to [14].

Согласно этим данным, Etisalat в 2018 г. занимала 55-е место среди 100 крупнейших нефинансовых МНП из развивающихся стран и стран с переходной экономикой. В то же время из анализа данных табл. 1 видно, что в 2018 г. ряд

основных показателей компании, прежде всего совокупные и зарубежные активы, сократились.

На основе представленных в табл. 1 данных, рассчитаем *индекс транснационализации* Etisalat:

Аз - зарубежные активы 16281 млн долларов;

Ао - общие активы 34103 млн долларов;

Пз - объем продаж товаров и услуг зарубежными филиалами 5487 млн долларов;

По - общий объем продаж товаров и услуг 14265 млн долларов;

Шз - зарубежный штат 20529 занятых;

Шо - общий штат работников компании 43000 занятых.

$$\text{Индекс транснационализации} = \frac{\frac{Аз}{Ао} + \frac{Пз}{По} + \frac{Шз}{Шо}}{3} * 100$$

$$(16281/34103+5487/14265+20529/43000)/3*100=44.64910079 \cong 44.7\%$$

Причина снижения Индекса транснационализации в 2017 г. – сокращение числа зарубежных штатов с 25680 до 19939. Также в 2018 г. мы наблюдаем снижение транснационального индекса из-за уменьшения зарубежных активов с 17629 до 16281 и в целом с 34931 до 34103 млн долларов.

- *Индекс распространения сети (NSI)*

$$NSI = N/(N^*-1) \cdot 100 \%, \text{ где}$$

N – количество стран мира, принимавших любые ПИИ; 200

а N* – количество стран, где имеются филиалы ТНК; 15 стран

$$NSI = 15 / (200 - 1) \cdot 100 = 7,537\%$$

- *Индекс интернационализации (II – internationality index)*

рассчитывается путем деления числа зарубежных филиалов на число всех филиалов.

$$II = (FAF/TAF) \cdot 100 \%$$

FAF- количества зарубежных филиалов; 58

TAF- общее количество филиалов в мире; 64

$$П = (58 / 64) \cdot 100 = 90,60\%$$

• *Индекс легкости ПИИ*

Показатель «легкости ПИИ» (FDI lightness indicator) – отношение доли иностранных продаж компании в суммарных ее продажах к доле иностранных активов в общей величине активов компании, по данным UNCTAD [14]:

- общий объем продаж: 14215 млн долларов;
- общие активы: 34926 млн долларов;
- доля зарубежных продаж: 38,5%;
- доля зарубежных активов: 47,8;
- соотношение доли зарубежных продаж и доли зарубежных активов: $38,5 / 47,8 = 0,81$.

Промежуточное положение занимают цифровые МНП со смешанными моделями (цифровой контент и электронная коммерция) и группа МНП в области ИКТ (ИТ и телекоммуникации), основная деятельность которых сочетает в себе физические и цифровые элементы. по данным UNCTAD, для телекоммуникационных компаний показатель легкости ПИИ = 0,9, поэтому Etisalat как телекоммуникационная компания находится в более низком положении.

Международная деятельность Etisalat

Etisalat – это интернациональный концерн, работающий в зарубежных странах со стабильным оператором (табл. 2 и рис. 1).

Таблица 2.

Операторы Etisalat в других странах

Страна	Оператор
 ОАЭ	Etisalat
 Саудовская Аравия	Mobily

 Марокко	Maroc Telecom
 Пакистан	ptcl
 Египет	Etisalat Misr
 Афганистан	Etisalat Afghanistan
 Мавритания	Mauritel
 Мали	Sotelma
 Кот-д'Ивуар	Moov
 Центральноафриканская республика	Moov
 Габон	Moov
 Того	Moov
 Бенин	Moov
 Нигер	Moov
 Буркина Фасо	ONATEL
 Нигерия	9mobile

Источник: [7].

Table 2.

Etisalat operators in other countries

Country	Operator
 UAE	Etisalat
 Saudi Arabia	Mobily
 Morocco	Maroc Telecom
 Pakistan	ptcl
 Egypt	Etisalat Misr
 Afghanistan	Etisalat Afghanistan
 Mauritania	Mauritel
 Mali	Sotelma
 Côte d'Ivoire	Moov
 Central African Republic	Moov
 Gabon	Moov

 Togo	Moov
 Benin	Moov
 Niger	Moov
 Burkina Faso	ONATEL
 Nigeria	9mobile

Source: [7].

И хотя, как видно из представленных данных, охват зарубежных стран пока невелик, но он, безусловно, будет нарастать, как минимум, за счет еще некоторых стран Ближнего Востока и Северной Африки [5].

Etisalat работает там, где уровень проникновения мобильной связи уже является одним из самых высоких в мире – 200%. Etisalat стал известен своими усилиями по развертыванию своей сети Fiber-To-The-Home (FTTH) в ОАЭ. К концу 2009 г. Etisalat завершил развертывание FTTH для 85% домашних хозяйств в Абу-Даби, позиционируя столицу ОАЭ как первую в мире, покрытую оптоволокном.

Рис. 1. Распространение деятельности Etisalat по регионам мира.

Источник: [7].

Fig. 1. Distribution of Etisalat activities to the regions of the world.

Source: [7].

Некоторые из Интернет-услуг для домашних пользователей, которые предлагает Etisalat, включают:

Мобильный доступ в Интернет 3G, Мобильный доступ в Интернет 4G, Услуги широкополосного Интернета, Коммутируемый доступ в Интернет по предоплате и постоплате, Сервисы облачных игр в партнерстве с Gamestream. Etisalat также управляет iZone, системой точек доступа Wi-Fi в центральных районах, таких как торговые центры, рестораны и кафе. Доступ к iZone можно получить, купив предоплаченные карты или используя существующую учетную запись. Счета за услуги коммутируемого доступа и доступа в Интернет ISDN выставляются почасово, в то время как за домашние, домашние кабельные и DSL-соединения взимается фиксированная ежемесячная плата в зависимости от скорости. Другие интернет-каналы, нацеленные на бизнес-пользователей, имеют планы использования трафика и относительно высокие скорости при превышении выделенной квоты полосы пропускания. Это вызвало плохую огласку для Etisalat и стало основным источником критики.

В дополнение к своим поставщикам телекоммуникационных услуг и операторам связи, Etisalat включает в себя ряд дополнительных нетелекоммуникационных бизнес-единиц под эгидой Etisalat Services Holding LLC:

- обучение и консультационные услуги;
- производство SIM / смарт-карт и платежные решения;
- услуги центра обмена данными;
- пиринг / передача голоса и данных;
- колл-центр;
- управление оборудованием кабельного телевидения;
- услуги по прокладке подводного кабеля.

Влияние пандемии на зарубежную деятельность Etisalat

Etisalat фиксирует, что пандемия Covid-19 (коронавируса) оказала давление на ее бизнес с 2020 г., хотя пандемия не смогла остановить рост

прибыли в 3-м квартале. По нашему мнению, это связано с тем, что компания не сократила свои инвестиции в инфраструктуру, включая фиксированное предложение 5G, которое помогло удовлетворить потребности клиентов во время пандемии.

Выручка в размере 13 млрд дирхамов (3,5 млрд долларов) не изменилась по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. (даже оказалась на 0,5% выше), а чистая прибыль выросла на 6% – до 2,4 млрд дирхамов ОАЭ, что связано с более высоким показателем EBITDA, улучшением показателей деятельности ассоциированных компаний и снижением федеральных роялти, а также роли цифровой экономики в национальной, региональной и мировой экономике. Компания объяснила, что на ее выручку повлияло то, что коммерческая деятельность осталась ниже уровня до Covid-19 [9].

В результате компания зарегистрировала чистый прирост абонентов на 1,1 млн человек, в результате чего общее их количество достигло 149 млн человек, что связано с ростом в Мали, Чаде, Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуаре.

На внутреннем рынке ОАЭ выручка выросла на 3% – до 7,5 млрд дирхамов, причем рост объемов данных, цифровых, оптовых и телевизионных услуг компенсировал снижение объемов мобильной и фиксированной голосовой связи, продаж мобильных телефонов и роуминга.

В Египте был зарегистрирован самый большой рост доходов из своих подразделений, увеличившись на 18 процентов до 1,1 млрд дирхамов ОАЭ благодаря значительному вкладу мобильной передачи данных и национального роуминга.

В Пакистане дела шли не так хорошо: его курс упал на 1,1% до 700 млн дирхамов ОАЭ из-за неблагоприятной динамики обменных курсов.

Etisalat заявила, что в целом ее производительность остается ниже уровня, предшествующего пандемии, и повышенные макрориски, вероятно, сохранятся.

Развитие Etisalat, в условиях цифровой экономики

Etisalat занимается не только телекоммуникационным бизнесом; корпорация предлагает широкий спектр высокотехнологичных дополнительных услуг для телекоммуникационной отрасли, включая управленческое и техническое обучение, изготовление SIM-карт, платежные решения, услуги клирингового центра, пиринг, передачу голоса и данных, а также услуги подводного и наземного кабеля. Etisalat является неотъемлемой частью его приверженности новейшим технологиям во всей инфраструктуре компании и предложениям продуктов, что позволило Etisalat стать пионером сетей следующего поколения для фиксированных и беспроводных линий связи и развернуть достаточно оптоволоконный кабель в ОАЭ (протянуть до Луны и обратно два с половиной раза). Эта инфраструктура не только будет соответствовать самым высоким международным стандартам, но и, как ожидается, сократит выбросы углерода на 80% и потребление энергии на 70%. Такой упор на технологические инновации и экологическую ответственность помог Etisalat захватить значительную долю рынка по мере расширения компании.

Etisalat разделяет приверженность ICANN расширению прав и возможностей потребителей, инновациям и конкуренции. Одним из известных примеров является внедрение услуг мобильной широкополосной связи (включая видеозвонки и мобильное телевидение) в Египте и Саудовской Аравии, что изменило динамику рынка и предоставило доступ в Интернет миллионам потребителей. Etisalat была названа «самой инновационной компанией» на церемонии вручения награды International Business Awards 2011 и недавно запустила мобильную сеть 4G в ОАЭ, одновременно предлагая самую быструю на Ближнем Востоке услугу фиксированной широкополосной связи.

Помимо приверженности технологиям и потребителям, Etisalat очень серьезно относится к своей миссии корпоративной социальной ответственности и активно участвует в проектах по продвижению здравоохранения для женщин в странах Африки к югу от Сахары, обеспечению доступа к чистой воде в Египте,

а также ликвидации голода, помощь в связи с недоеданием в Африке. Etisalat поддерживала и вносила свой вклад в многочисленные инициативы в 2011 г. посредством привлечения спонсорства и пожертвований, в том числе собственных, на спортивные, образовательные, медицинские, общественные и благотворительные мероприятия – в постоянной миссии, направленной на улучшение всех аспектов жизни общества.

Так, отмеченная наградами инициатива Etisalat Mobile Baby обеспечивает доступное медицинское обслуживание для всех на основе мобильной связи со значительными результатами: программа Mobile Baby представляет собой полный набор услуг, который позволяет родильницам и акушеркам обеспечивать более безопасную беременность и роды, позволяя им идентифицировать, общаться и действовать в неотложных акушерских условиях быстро и точно. В Танзании, где Etisalat впервые запустила эту услугу, произошло существенное снижение исходных показателей материнской смертности и 30-процентное увеличение количества обращений в медицинские учреждения. В 2022 г. услуга Etisalat Mobile Baby будет развернута во всех подразделениях компании в Африке и Азии.

TLD Etisalat обеспечит «цифровой дом» для информации обо всех ранее упомянутых услугах, а также будет способствовать потенциальному расширению своего присутствия в Интернете в будущем. Корпоративная миссия Etisalat требует активного расширения охвата людей – это означает, что компания постоянно совершенствует активные сети, которые позволяют людям развиваться, учиться и реализовывать свои жизненные устремления. Запуск TLD Etisalat полностью соответствует этой миссии и позволит Etisalat достичь своих целей по инновациям, охвату, росту и обучению, одновременно укрепляя свой авторитет и репутацию в области технической стабильности, безопасности и совершенства.

Etisalat Digital – это бизнес-подразделение Etisalat, осуществляющее цифровую трансформацию, позволяя предприятиям и правительствам становиться умнее за счет использования новейших технологий, таких как

облако, кибербезопасность, Интернет вещей (IoT), многоканальность, искусственный интеллект, большие данные и аналитика. Etisalat Digital объединяет лучших экспертов в области цифровых технологий, активы и платформы с уникальными услугами и операционной моделью. Из своих офисов в ОАЭ и КСА Etisalat Digital делает сквозные цифровые вертикальные предложения для более интеллектуальных разработок, образования, здравоохранения, транспорта и более разумной экономики. Etisalat имеет успешный послужной список в реализации крупных цифровых проектов и решений, предоставляя комплексные услуги в области консалтинга, бизнес-моделирования, разработки решений, управления программами, выполнения, доставки и поддержки после внедрения, а также операционных услуг.

Etisalat начал свой путь в 5G в 2014 г. со строительства своей сети с помощью специальной группы инженеров и специалистов, занимающихся созданием передовой инфраструктуры, поддерживающей будущие технологические требования в регионе.

5G играет важную роль в мировой экономике. Значимой вехой для Etisalat и телекоммуникационной отрасли стал запуск первой коммерческой беспроводной сети 5G 14 мая 2018 г. в ОАЭ, став первым оператором связи в регионе БВСА, который добился этого технологического прорыва и установил отраслевой эталон.

Международные коммерческие операции в условиях цифровой экономики

Растущее число предприятий, занимающихся производством и оказанием услуг, участвуют в международных электронных продажах. Но между отраслями и странами существуют значительные различия, и нужно сделать еще больше, чтобы раскрыть потенциал.

Цифровизация связана с большей открытостью торговли, продажей большего количества товаров на большее количество рынков и в менее концентрированных экспортных корзинах. Увеличение на 10% «двусторонней цифровой связи» увеличивает торговлю товарами почти на 2% и торговлю

услугами более чем на 3% [3]. И хотя цифровизация важна для всех секторов, она наиболее значительна для экспорта более сложных производств и услуг, доставляемых в цифровом виде. Цифровизация также увеличивает выгоды, которые можно извлечь из региональных торговых соглашений (РТС) [6].

В сочетании с РТС увеличение цифровой связи на 10% увеличивает экспорт еще на 2,3%. Наконец, существует статистически значимая взаимосвязь между импортом товаров, связанных с информационными и коммуникационными технологиями (ИКТ), цифровизацией и экспортом услуг, что позволяет предположить, что так же, как услуги стали более важными для экспорта товаров, товары ИКТ все в большей степени позволяют экспортировать услуги, доставляемые в цифровом виде [13].

Телекоммуникации – одна из основных инфраструктур цифровой экономики и для развивающихся стран, где Etisalat активно работает.

Формы выхода на зарубежные рынки

Etisalat, учитывая условия страны, в которую она инвестирует, и ее телекоммуникационную инфраструктуру, ввела различные формы выхода, которые упоминаются ниже в трех различных примерах.

Компания Etisalat создала свои *дочерние компании* в Египте и Афганистане и предоставляет телекоммуникационные услуги, включая местные FourG, используя свой местный персонал.

В Пакистане Etisalat выходит на телекоммуникационный рынок через *акционерный альянс* с PTCL, поскольку PTCL предлагает 26% своих акций иностранным инвесторам [11].

Оператор связи UAE Etisalat вошел в Нигерию в рамках *стратегического партнерства* с Mubadala Development Company, инвестиционной компанией, принадлежащей правительству эмирата Абу-Даби. Etisalat будет операционным партнером нигерийской телекоммуникационной компании, созданной Mubadala для владения и управления ее телекоммуникационным бизнесом в Нигерии.

Заключение

В последние годы ТНК и международные организации активизировали свои усилия по выявлению передовой практики для действующих ТНК в принимающих странах. Телекоммуникационная компания Etisalat также имеет большие возможности роста в соответствии с транснациональными индексами и может быть повышена с международного уровня до глобального. В деятельности и договорах о подключении с местными телекоммуникационными компаниями она приобрела форму транснационального концерна. Самая крупная и эффективная стратегия, используемая Etisalat, – это горизонтальные поглощения.

Etisalat использовала различные способы выхода на зарубежные рынки, и эти способы были адаптированы к таким факторам, как масштаб проекта, культура компании и страны, а также существующая инфраструктура для телекоммуникационной деятельности. В результате, учитывая, что у телекоммуникационных компаний есть два аспекта цифровизации и электронной коммерции, они могут значительно расти в коммерческих и экономических операциях.

Список литературы

1. Айдрус И.А.З., Шкваря Л.В. Экономическое развитие и структурные сдвиги в экономиках стран Персидского Залива (Опыт Бахрейна). – М., 2016.
2. Кокуйцева Т.В., Айдрус И.А.З. Королевство Бахрейн: большие возможности маленькой страны. – Манама, 2012.
3. Меланьина М.В. Цифровое общество в арабских странах: прогресс в целях устойчивого развития // Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века. – М., 2020. – С. 422-425.
4. Русакович В.И. Оман: структурные преобразования и экономический рост // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 3 (728). – С. 48-55.

5. Шкваря Л.В. Финансовые потоки в странах Африки: источник для реализации инфраструктурных проектов // Африка в поисках источников мира и развития. – М., 2013. – С. 206-215.
6. Aidrous I.A., Asmyatullin R.R., Glavina S.G. The development of the digital economy: GCC countries experience // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 280. – Pp. 163-169.
7. Emirates Telecommunication Group Company PJSC [Электронный ресурс]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Etisalat> (дата обращения: 24.12.2021)
8. Etisalat [Электронный ресурс]. URL: www.etisalat.ae/en/etisalat-corporation.jsp (дата обращения: 24.12.2021)
9. Kavitha Majithia. Etisalat wary of continued Covid-19 pressure [Электронный ресурс]. URL: www.mobileworldlive.com/featured-content/top-three/etisalat-wary-of-continued-covid-19-pressure (дата обращения: 26.12.2021)
10. Marco Telecom [Электронный ресурс]. URL: www.iam.ma/ (дата обращения: 24.12.2021)
11. PTCL [Электронный ресурс]. URL: <http://ptcl.com.pk/> (дата обращения: 24.12.2021)
12. Shkvarya L.V., Aidrous I.A.Z., Ruzina E.I., Savinsky A.V., Rodin S.I. Development of high-tech segment in the GCC region on the example of the aviation component of the Kingdom of Bahrain // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – Moscow, 2019. – Pp. 1-7.
13. Trade in the digital Era. OECD [Электронный ресурс]. URL: www.oecd.org/going-digital/trade-in-the-digital-era.pdf (дата обращения: 26.12.2021)
14. UNCTAD [Электронный ресурс]. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (дата обращения: 24.12.2021)

References

1. Ajdrus I.A.Z., Shkvarya L.V. Ekonomicheskoe razvitie i strukturnye sdvigi v ekonomikah stran Persidskogo Zaliva (Opyt Bahrejna) [Economic development and

structural changes in the Persian Gulf economies (Bahrain Experience)]. Moscow, 2016.

2. Kokujtseva T.V., Ajdrus I.A.Z. Korolevstvo Bahrejn: bol'shie vozmozhnosti malen'koj strany [Kingdom of Bahrain: great opportunities for a small country]. Manama, 2012.

3. Melan'ina M.V. Tsifrovoye obshchestvo v arabskikh stranah: progress v tselyah ustojchivogo razvitiya [Digital Society in Arab Countries: Progress towards Sustainable Development]. Globalnaya nestabilnost i tsifrovye tekhnologii: realii XXI veka. Moscow, 2020, pp. 422-425.

4. Rusakovich V.I. Oman: strukturnye preobrazovaniya i ekonomicheskij rost [Oman: structural transformation and economic growth]. Aziya i Afrika segodnya, 2018, № 3 (728), pp. 48-55.

5. Shkvarya L.V. Finansovye potoki v stranah Afriki: istochnik dlya realizatsii infrastrukturyh projektov [Financial flows in Africa: source for infrastructure projects]. Afrika v poiskah istochnikov mira i razvitiya. Moscow, 2013, pp. 206-215.

6. Aidrous I.A., Asmyatullin R.R., Glavina S.G. The development of the digital economy: GCC countries experience. Lecture Notes in Networks and Systems, 2021, vol. 280, pp. 163-169.

7. Emirates Telecommunication Group Company PJSC. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Etisalat> (accessed: 24.12.2021)

8. Etisalat Available at: www.etisalat.ae/en/etisalat-corporation.jsp (accessed: 24.12.2021)

9. Kavitha Majithia. Etisalat wary of continued Covid-19 pressure. Available at: www.mobileworldlive.com/featured-content/top-three/etisalat-wary-of-continued-covid-19-pressure (accessed: 26.12.2021)

10. Marco Telecom. Available at: www.iam.ma/ (accessed: 24.12.2021)

11. PTCL. Available at: <http://ptcl.com.pk/> (accessed: 24.12.2021)

12. Shkvarya L.V., Aidrous I.A.Z., Ruzina E.I., Savinsky A.V., Rodin S.I. Development of high-tech segment in the GCC region on the example of the aviation

component of the Kingdom of Bahrain // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Moscow, 2019, pp. 1-7.

13. Trade in the digital Era. OECD. Available at: www.oecd.org/going-digital/trade-in-the-digital-era.pdf (accessed: 26.12.2021)

14. UNCTAD. Available at: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed: 24.12.2021)

© *Ахмади Фатима, 2022 г.*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теории экономического роста и роль инновационного фактора

*Пономарева Виктория Сергеевна,
Российский университет дружбы народов (РУДН)
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6*

В статье рассмотрены теории экономического роста с точки зрения использования факторов производства и инноваций как фактора производства. Автором показано, что проблемы экономического роста на протяжении многих столетий вызывали пристальный научный интерес, как и анализ и классификация основных факторов роста. В современных условиях особое значение приобретают не столько количественные, сколько качественные аспекты экономического роста, среди которых важнейшую роль играют инновации. С точки зрения автора, инновации, обеспечивающие развитие цифровой экономики, останутся ведущим фактором роста и стабилизации экономики в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: экономический рост, факторы роста, инновации.

JEL коды: O300, O400.

Theories of economic growth and the role of the innovation factor

*Ponomareva Victoria Sergeevna,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6*

In the article, the author examines the theories of economic growth from the point of view of the use of factors of production and innovation as a factor of production. The author shows that the problems of economic growth have aroused close scientific interest for many centuries, as well as the analysis and classification of the main growth factors. In modern conditions, it is not so much quantitative as qualitative aspects of economic growth that are of particular importance, among which innovations play an important role. From the author's point of view, innovations that ensure the development of the digital economy will remain the leading factor of growth and stabilization of the economy in the long term.

Keywords: economic growth, growth factors, innovations.

Введение

В XXI в. в мировой экономике и большинстве стран мира, в том числе в Российской Федерации, обострилась проблема экономического роста. Рост волатильности мировой экономики и, как следствие, национальных хозяйств, сопряженной со множеством проблем, таких как экономические кризисы, глобальная пандемия, продолжающаяся с 2020 г. и приведшая к серьезному снижению экономической активности в странах мира [9], рост санкционного давления со стороны «коллективного запада» в отношении все большего количества стран, особенно быстрорастущих, включая Российскую Федерацию и Китай, рост напряженности в мировой финансовой сфере, а также рост населения в мире и необходимость решения множества социальных проблем актуализируют в настоящее время исследования, связанные с проблемами экономического роста, особенно основанными на применении наиболее передовых, инновационных, высокотехнологичных и интенсивных методов, инструментов и подходов.

Как отмечают исследователи, задачи экономического роста «...также актуализируется в направлении необходимости сформировать концептуальные основы и соответствующую стратегию развития высокотехнологичных производств (создания новых отраслей промышленности) в относительно небольших экономиках, или в экономиках, развитие которых основывается главным образом на факторе производства “земля”» [8]. Эту актуализацию усиливают и тенденции, связанные с цифровой экономикой на глобальном, региональном и страновом уровнях. В данной статье нами предпринята попытка исследовать взаимосвязь теорий экономического роста и цифровой экономики – одновременно как условия и результата этого роста.

Теории экономического роста – это теоретические концепции, призванные обосновать взаимосвязь и взаимозависимость основных категорий воспроизводства и темпов его расширения. Их разработка, фактически, велась с самого момента появления экономической мысли, поскольку именно с этого

момента начали ставиться вопросы относительно возможностей увеличения богатства. Экономический рост определяется такими факторами предложения, как природные ресурсы, трудовые ресурсы, капитал, технологии [3].

Уже в трудах Ибн Хальдуна предпринята попытка понять, как происходит социально-экономическое развитие, что ему содействует, а что препятствует. Вопросы экономического роста, основанного на факторах производства, исследовали А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс. Так, уже А. Смит утверждал, что рост производства возможен на основе использования трех факторов – труда, земли и капитала [6]. Кроме того, классики буржуазной политической экономии напрямую увязывали рост национального богатства с ростом и эффективностью процесса производства, которое выступало, таким образом, в качестве катализатора увеличения национального богатства. Действительно, промышленный переворот, а затем промышленная революция в Англии смогла обеспечить весьма существенный на тот момент рост производительности, производства и национального богатства.

В XIX в. функцию факторов производства фактически начинают выполнять технологии (в широком смысле). Соответственно, с точки зрения К. Маркса обновление основного капитала на промышленных предприятиях обеспечивало возможность увеличить производительность общественного труда и, соответственно, экономический прогресс. В этой связи Т.А. Малова (МГИМО) отмечает: «Накопление капитала в марксистской теории является результатом развития конкуренции, «конкурентной борьбы», требующей инвестирования в новые, более эффективные технологии производства, что ведет к увеличению массы богатства, функционирующего как капитал» [5]. Таким образом, К.Маркс обосновал точку зрения, что процесс производства и капитал как фактор, обеспечивающий его рост и развитие, основываются, с одной стороны, на институциональных процессах, а с другой – на технологических. При этом технологические сдвиги ведут «...к усложнению функций и механизмов рыночной инфраструктуры, в рамках которой созданная в процессе производства стоимость капитализируется в интеллектуальных

образцах техники и ресурсов, в секьюритизированных финансовых активах. Таким образом, закономерностью процесса капитализации является его модификация, расширение границ экономического содержания категории «капитализации», включение в ее содержательный контур понятий «капитализация рыночной стоимости», «рыночная капитализация», природа которых опосредована развитием институтов и технологий» [5].

Однако особенно остро вопросы экономического роста встали после Великой депрессии (Дж. М. Кейнс) и особенно после Второй мировой войны в связи с необходимостью скорейшего и всеобъемлющего восстановления западноевропейских стран. В большинстве теорий экономического роста, разработанных в XX в., значительная роль отводится факторам роста, среди которых важное значение имеют инновационные аспекты.

Так, Дж. М. Кейнс в своем труде «Общая теория занятости, процента и денег» отмечал [4], что стимулирование спроса, в том числе и инвестиционного, выступает одним из важнейших объектов государственного регулирования экономики в силу его важности для экономического роста. В современных условиях стимулирование спроса зачастую включает как спрос на инновации, высокие технологии, как и на институты их регулирования и поддержания. Поэтому, на наш взгляд, государственное стимулирование спроса в этой сфере может обеспечить и технологический рост страны, особенно той, чья экономика в значительной степени базируется на добывающих отраслях в связи с необходимостью их сбалансирования с более высокотехнологичными производствами. В этой связи встречается даже термин «инновационно ориентированное кейнсианство» [1].

После Великой депрессии и Второй мировой войны исследование теорий экономического роста актуализировалось в связи с необходимостью восстановления разрушенных экономик стран Западной Европы. В ряде этих теорий растущее внимание уделялось техническому прогрессу, инновациям, высоким технологиям. Так, с 1950-х гг. проблемы экономического роста исследовали такие авторы, как Дж. Хикс, Дж. Э. Мид, Р. Солоу, М. Браун и др.,

которые обосновывали точку зрения, что на экономический рост оказывает непосредственное воздействие не только предложение факторов производства, но и эффективность их использования, которая, в свою очередь, взаимосвязана, в том числе, и с техническим прогрессом и его характером.

В частности, Р. Солоу, используя для исследования экономического роста производственную функцию Кобба-Дугласа, дополнил ее таким фактором, как уровень развития технологий. Он полагал, что рост технологий служит самостоятельным фактором экономического роста. В то же время параметры нормы сбережений и темпов НТП, согласно подходу Солоу, задаются экзогенно, а решения субъектов хозяйствования не оказывают на них никакого воздействия, что является недостатком модели.

Огромный вклад в развитие понимания инноваций как фактора производства и экономического роста в целом внес Й. Шумпетер, который прямо говорил о том, что экономический рост напрямую связан с внедрением инноваций. Причем инновации он понимал довольно широко: это и новые продукты, и новые технологии, и выход на новый рынок, и реорганизация, и «использование существующих источников новыми способами» [9]. Интересно, что в современное время можно дополнить эти 5 видов инноваций новыми видами торговли, например, цифровой торговлей. Стоит отметить также, что инновации трактовались Й. Шумпетером не только как фактор экономического роста, но и как способ преодолеть экономический кризис и, следовательно, возможность стабилизировать экономическое развитие.

П. Друкер вообще утверждает, что именно инновации предпринимателей обеспечивают им частный экономический рост на уровне предприятия, а их широкое распространение – стране в целом [2].

Современные исследователи также уделяют большое внимание инновационной составляющей как фактору роста национальной экономики. Обосновывается точка зрения, что даже для ресурсонасыщенных экономик для их стабилизации и устойчивого социально-экономического прогресса

важнейшую роль играют сегодня высокие технологии [11], и с этим можно согласиться.

Как отмечает Ю.В. Соловьёва, «Экономический рост страны во многом зависит от сосредоточения научного потенциала на перспективных направлениях, конкурентоспособных областях научно-образовательной и технологической деятельности, играющих ключевую роль в решении вопросов развития национальной экономики. В России достаточно высок потенциал в развитии прорывных научно-технологических направлений: аэрокосмической отрасли, производства нанотехнологий, биомедицинских технологий, атомной и водородной энергетики и других. Особое место в данном ключе будет занимать трансферт новых знаний и технологий, ориентированный на передачу высокотехнологичной продукции не только на государственном и межгосударственном уровне, но и с учетом отраслевой и региональной составляющей, что особо важно для такой страны, как Россия, имеющей неоднородное экономическое пространство» [7, С.52].

Выводы

Ускорение экономического роста может быть достигнуто в основном за счет эффективности использования факторов производства и инновационности. Это называется интенсивным ростом. Особенно важные возможности для ускорения экономического роста открываются за счет использования таких факторов, как совершенствование технологии производства на основе достижений науки и техники и совершенствование институтов регулирования инновационности и цифровой экономики.

Теории экономического роста играют важную роль в создании новых подходов к изучению экономического роста, особенно в условиях развития цифровой экономики. Именно от дальнейшей разработки этих теорий во многом зависит возможность разработки новой современной политики, направленной на изменение и, возможно, форсирование темпов экономического роста многих стран мира, в том числе – Российской Федерации.

Список литературы

1. Бассанини Ф. Инновационно-ориентированное кейнсианство // Русский журнал. – 2015. – № 6 [Электронный ресурс]. URL: www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Innovacionno-orientirovannoe-kejnnsianstvo (дата обращения: 15.1.2021)
2. Друкер П. Бизнес и инновации. – М.: ИД «Вильямс», 2007.
3. Исаев В.А., Савинский А.В. Экономика. – М., 2012.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Прогресс, 1978.
5. Малова Т.А. Капитализация по Марксу и цифровая экономика (к 150-летию выхода в свет первого тома «Капитала») // Страховое дело. – 2017. – № 10 (295). – С. 47-54.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: ЭКСМО, 2007.
7. Соловьёва Ю.В. Трансферт технологий в России: современное состояние и перспективы развития // Инновации. – 2019 – №5(247). – С. 46-53.
8. Хасбулатов Р.И., Бяшарова А.Р. Высокотехнологичные отрасли в мировой экономике: современные тенденции // Россия и Азия. – 2021. – № 2. – С. 64-77.
9. Хасбулатов Р.И., Бяшарова А.Р. Коронавирусный экономический кризис в мировой экономике: особенности и последствия // Международная экономика. – 2020. – № 5. – С. 7-21.
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм, демократия. – М.: Эксмо, 2007.
11. Shkvarya L.V., Aidrous I.A.Z., Ruzina E.I., Savinsky A.V., Rodin S.I. Development of high-tech segment in the GCC region on the example of the aviation component of the Kingdom of Bahrain // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Moscow. – Moscow, 2019. – Pp. 1-7.

References

1. Bassanini F. Innovatsionno-orientirovannoe kejniansstvo [Innovative Keynesianism]. Russkij zhurnal, 2015, № 6. Available at: www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Innovatsionno-orientirovannoe-kejniansstvo (accessed: 15.12.2021)
2. Druker P. Biznes i innovatsii [Business and Innovation]. Moscow: ID «Viliyams», 2007.
3. Isaev V.A., Savinskij A.V. Ekonomika [Economics]. M., 2012.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Moscow: Progress, 1978.
5. Malova T.A. Kapitalizaciya po Marksu i cifrovaya ekonomika (k 150-letiyu vyhoda v svet pervogo toma «Kapitala») [Marx capitalization and digital economy (on the 150th anniversary of the first volume of Capital)]. Strahovoe delo, 2017, № 10 (295), pp. 47-54.
6. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [Research on the nature and causes of peoples' wealth]. Moscow: EKSMO, 2007.
7. Solovieva Yu.V. Transfert tekhnologij v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Technology transfer in Russia: current state and development prospects]. Innovacii, 2019, №5 (247), pp. 46-53.
8. Hasbulatov R.I., Byasharova A.R. Vysokotekhnologichnye otrasli v mirovoj ekonomike: sovremennye tendentsii [High-tech industries in the global economy: current trends]. Rossiya i Aziya, 2021, № 2, pp. 64-77.
9. Hasbulatov R.I., Byasharova A.R. Koronavirusnyj ekonomicheskij krizis v mirovoj ekonomike: osobennosti i posledstviya [The coronavirus economic crisis in the world economy: features and consequences]. Mezhdunarodnaya ekonomika, 2020, № 5, pp. 7-21.
10. Shumpeter J. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm, demokratiya [Theory of economic development. Capitalism, socialism, democracy]. Moscow: EKSMO, 2007.

11. Shkvarya L.V., Aidrous I.A.Z., Ruzina E.I., Savinsky A.V., Rodin S.I. Development of high-tech segment in the GCC region on the example of the aviation component of the Kingdom of Bahrain. IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Moscow. Moscow, 2019, pp. 1-7.

© Пономарева Виктория Сергеевна, 2022 г.

НАШИ АВТОРЫ

Ахмади Фатима - аспирант, кафедра Политической экономики, Экономический факультет, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия.

Митюшкина Анна Андреевна – студентка, Институт мировой экономики и бизнеса, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия.

Мусави Башир Ахмад – магистрант, Экономический факультет, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия.

Пономарева Виктория Сергеевна – магистрант, Экономический факультет, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия.

Шкваря Людмила Васильевна – д.э.н., профессор, кафедры Политической экономики, Экономический факультет, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия.

